

БЕРІЯ

АНТОН АНТОНОВ-ОВСЕНКО

Антонов-Овсеенко Антон Берия

Как он начинал

На службу в тайную полицию приходят разными путями, некоторые - совершенно случайно, иные — по призыванию Лаврентий Берия был рожден для грязных дел. Провокатор и жулик проснулись в нем в детские годы, еще в Сухумском начальном училище. Редкая кража или донос совершались без его личного участия — прямого или косвенного. В нем гармонично уживались подлость и мздоимство. Похитив папку с характеристиками записями о поведении учеников, он подвел классного наставника под увольнение, а сам устроил распродажу документов. Через подставных лиц, разумеется.

Эта дерзкая операция пятнадцатилетнего подростка сделала бы честь любому зрелому негодяю. Многообещающее начало.

По окончании Сухумского училища Берия переезжает в Баку и поступает в местное техническое училище.

Летом 1917-го его отправляют на румынский фронт с армейской политехнической частью, но уже через полгода он вернулся и представил официальную справку об освобождении от воинской службы по болезни. Лаврентий Берия вступил в партию большевиков в 1919 году двадцатилетним юношей (В официальной биографии он значится большевиком с марта 1917 года). Секретарем Кавказского бюро РКП (б) в Баку был старый подпольщик Виктор Нанейшвили, опытный конспиратор. Кавбюро охватывало все Закавказье а также Чечено-Ингушетию, Дагестан и Северный Кавказ. Подпольное бюро находилось в захваченном мусаватистами Баку, на Телефонной улице около немецкой церкви — кирхи.

Помещение сняли на имя Мирзы Давуда Гусейнова, преданного партии товарища. Нанейшвили появлялся там редко, он жил на окраине, за Черногогородским мостом, квартировал в семье знакомого рабочего. Адрес знали немногие. Дежурили на Телефонной улице по очереди, необходимую информацию передавали Нанейшвили поздно вечером, после дежурства.

Однажды в бюро пришли молодые члены партийной ячейки Технического училища Вася Егоров и Гриша Канер. Они привели с собой еще одного студента — невзрачного такого, прыщавого. Неизвестный назвался Лаврентием Берия и сказал, что ему нужно увидеться с товарищем Нанейшвили. В тот день дежурил Олег Саркисов. Он ответил, что секретарь бюро здесь не бывает.

— Что ему передать?

— Ничего. Я должен переговорить с ним только лично...

Вечером дежурный сообщил Нанейшвили о визите трех студентов и о просьбе Берия.

Прошло несколько дней, Саркисов спросил Нанейшвили:

— Зачем приходил тот человек?

— Он работает в мусаватистской охране и просит принять его в нашу партию. Обещает давать ценную информацию.

— Но ведь у нас есть уже свои люди в мусаватистской охране — Мусеви и Ашум Алиев. Мы их туда специально послали. Зачем нам этот самозванец?

Опасения юного Саркисова вскоре же нашли косвенное подтверждение: Мусеви и Алиева убили в ресторане, за обедом, двумя выстрелами в упор.

В мусаватистскую разведку Берия взяли по рекомендации его однокашника Мирзы Балы. Он же познакомил его с Мир Джафаром Багировым, связанным с бакинской полицией. Мирза Бала станет вскоре одним из руководителей Азербайджанской буржуазной республики, а Багирову суждено занять потом пост первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана. «Суждено» — не то слово. Свои посты и Багиров, и Берия будут вырывать у судьбы зубами, по трупам конкурентов карабкаясь выше и выше.

Что же касается службы в разведке, то кто возьмется установить, на каких хозяев работал Берия. Известно, что мусаватистская разведка находилась под контролем английской Интеллидженс сервис, а ее тесная связь с турецкой обусловила контакт с немецкой. Но ведь Берия работал также и на советскую разведку, добытые им данные Багиров пересылал в Астрахань, в штаб XI армии. ЦК партии представлял в Баку тогда, в девятнадцатом, Анастас Микоян, а Берия был его помощником по делам иностранных разведок. Уже тогда он старался обратить на себя внимание центральной власти. С этой целью он составил «политический трактат», который содержал план организации советской разведки в Баку. С планом, как утверждают зарубежные историки, ознакомился нарком по делам национальностей Иосиф Сталин.

Мог ли Берия предвидеть, что не пользующийся никаким почетом наркомнац станет со временем Вождем? Сталин не был популярен ни в Петрограде, ни в Закавказье, ни даже на своей родине, в Грузии. В списке кандидатов в члены Учредительного собрания его имя стоит всего лишь седьмым. Старые партийцы утверждают, что впервые Сталин узнал о существовании Лаврентия Берия в 1924 году. Знакомя генсека с ответственными работниками грузинского ЦК и ГПУ, представили ему и Берия. Реальными представляются в 1919 году лишь тесные связи Берия с Багировым и Микояном.

Характерная деталь: Берия, подобно Сталину, не задерживается подолгу на одном месте. Весной 1920 года он перебирается в Грузию, которая тогда еще не присоединилась к Советской России. Однако там Берия сразу не повезло, его арестовали в Кутаиси, приняв за советского шпиона. В ту пору представителем Москвы при меньшевистском правительстве Грузии был Сергей Киров. 9 июля он обратился к Ною Жордания с просьбой освободить арестованного. Выйдя на волю, Берия поехал в Тифлис и здесь сразу же вошел в контакт с меньшевистской охранкой.

Когда до Кирова дошли сведения о тайных связях «советского шпиона», Берия почел за благо бежать. Представитель Москвы тотчас телеграфировал в освобожденный Баку начальнику особого отдела штаба XI армии. «Из Тифлиса бежал изменник Берия Лаврентий. Арестуйте немедленно. Киров».

Посадили Берия в подвал здания Азербайджанской ЧК. Помочь ему мог по старой дружбе Багиров, который в то время уже примеривался к посту председателя ЧК. Но занимавший это место Баба Алиев пользовался особым доверием у Наримана Нариманова, пред совнаркома Азербайджана.

В революционное движение Нариманов вошел студентом медицинского института и выдвинулся позднее как крупный просветитель. К сожалению, около него постоянно увивались карьеристы всех мастей. Багиров, самый ловкий среди ловкачей, в полной мере использовал его политическую близорукость. Он приступил к планомерной осаде Нариманова: дескать, товарищ Баба Алиев никогда не имел дела с органами разведки и контрразведки, не участвовал в борьбе с контрреволюцией и поэтому не в состоянии обеспечить этот важнейший участок работы...

Как только Нариманов снял Баба Алиева — мягко перевел его на партийную работу, — Багиров сел в вожделенное кресло. Освободив товарища Лаврентия, новый председатель ЧК назначил его, для начала, заведующим хозяйством. Не прошло и года, как Берия стал начальником СПО (секретного политического отдела) и заместителем председателя АзЧК. Для двадцатидвухлетнего молодого человека пост значительный.

В Грузинской ЧК

В конце 1923 года Берия работал уже начальником секретно-оперативной части (СОЧ) грузинского ГПУ и ничем особенно не выделялся, хотя в партийной ячейке был довольно активен. Он носил обычную для чекистов форму — френч из саржи и галифе, заправленные в кожаные сапоги. На носу — пенсне, с которым не расставался уже до конца жизни. Вначале Берия поселился в скромной квартире на улице Грибоедова, позднее занял

добротный двухэтажный дом на улице Мачебели, обставленный старинной барской мебелью.

На первых порах все относились к Лаврентию Берия с полным доверием, но, узнав его поближе, уже не могли общаться с ним по-товарищески. Это был неистощимый на выдумки мастер интриг и доносов. Он, как никто, умел в нужный момент пустить в ход грязный слух, дабы поссорить своих соперников на пути к власти. Потом он бил их поодиночке. Вокруг него все кипело, булькало, шипело, он успевал заглянуть в кастрюли, не обжигая пальцев, поправить на плите сковородки, подбросить дров в огонь, подсыпать острого перца и снять жирный навар в закипающем котле. Молодой Берия довольно убедительно играл при этом роль «своего парня», простого и приветливого... Лаврентий сумел расположить к себе начальника отдела по борьбе с экономическим саботажем Андрея Ершова, они стали друзьями и проводили вечера в семейном кругу.

И все же именно Ершов прозрел одним из первых. «Берия превзошел самого Макиавелли», — говорил он жене. Это было в двадцать седьмом году, когда Берия стал заместителем Станислава Реденса в ГПУ Закавказья.

Ершов первым добился перевода в Москву, в центральный аппарат. Через десять лет его отправят в Ярославль Там Андрея и настигнет дружески-карающая длань товарища Лаврентия.

Глава Закавказского ГПУ Станислав Реденс не обладал сильным характером, и Берия, став заместителем, довольно быстро подмял его под себя. Чекисты между собой называли шефа не иначе, как Беренс. Берия не терпелось подняться на следующую ступень, но столкнуться с нее Реденса, женатого на Анне, сестре Надежды Аллилуевой, он не решался. Он выжидал, выжидал, выжидал долго, почти три года. Когда представился удобный случай, не преминул им воспользоваться.

В ту ночь, основательно напоив шефа по случаю дня рождения, Лаврентий Павлович выпустил его из дома одного, без сопровождающих. Реденс забрел в дом неподалеку, где жила молодая сотрудница канцелярии Нина М. Поднялся на второй этаж, окруженный застекленной галереей, и спяна постучался в чужую дверь. Ему не открыли, он стал угрожать, вышел хозяин и хорошенько отдубасил ночного дебошира. На шум сбежались соседи, кто-то пригласил милиционеров, и Реденса доставили в участок. Там он распахнул шинель, дежурные увидели знаки отличия, ордена, «узнали» большого начальника.

Поздно. Берия уже позвонил в Москву Сталину, советовался, как быть...

На другой день генсек решил сместить скандалиста. Но вовсе удалять заслуженного партийца от дел не хотелось.

Реденс был назначен наркомом внутренних дел Белоруссии, а боевой пост наркома Закавказской Федерации достался Лаврентию Берия. Это произошло в апреле 1931 года.

В конце тридцатых, когда Берия переедет в Москву, почти все видные чекисты Грузии будут уничтожены.

Грузия. Берия и Сталин.

Трагичная история Грузии помнит не одного завоевателя. Вторгаясь в Иверию, иноземные полководцы обычно отдавали столицу на разграбление. На три дня. Ровно три дня длился погром августа двадцать четвертого года. Группу грузинских интеллигентов обвинили в подготовке вооруженного восстания.

Органами ГПУ был арестован ряд «активных заговорщиков». Оперативные команды ГПУ прочесывали город днем и ночью, улицу за улицей, дом за домом. Камеры в тюрьмах — на улице Ольгинской и в Метехском замке — наполнили до отказа

Вместе с оперативниками рыскал по городу Лаврентий Берия. В такой же, как у всех, форме — гимнастерка и галифе «серж», сапоги Знаков различия еще не придумали, но молодого начальника узнавали издали по пенсне, оно несколько скрадывало выражение глаз. Берия охотился за семьями интеллигентов, и если в доме обнаруживал молодых женщин, тащил их в свое логово вместе с «контрреволюционерами».

Кроме меньшевиков, к суду привлекли национал-демократов, эсеров,

социал-федералистов. Секретарь Аджарского обкома Гогоберидзе подводил под эту истребительную кампанию некую теоретическую базу. Дескать, в Грузии проживает слишком много дворян — недопустимо высокий в сравнении с другими республиками процент. Надо свести этот процент к нулю. Здесь явно проступает сталинская идея, только генсек пока еще воздерживается от призывов к геноциду по отношению к интеллигенции.

В Западной Грузии команда Валико Талахадзе забирала врачей, адвокатов, инженеров, учителей, писателей, ученых... Их вытаскивали из-за обеденного стола, из постели, хватали на улице, в гостях. Интеллигенты — все! — подходили под категорию дворян. То обстоятельство, что никто из них не был связан с заговорщиками, не должно было отражаться на выполнении плана.

Полторы тысячи ни в чем не повинных дворян погрузили скопом в товарные вагоны и отправили состав в Зестафони. Там, в отдаленном станционном тупике, всех расстреляли из пулеметов по приказу Талахадзе. На станции Телави подобная экзекуция повторилась.

Почему пренебрегли элементарными юридическими нормами, не утруждая себя ни следствием, ни судом? Об этом надо было спросить профессора Талахадзе, вскоре назначенного заведующим кафедрой советского права Тифлисского университета.

В тридцатые годы прокурор Грузинской республики Талахадзе в качестве государственного обвинителя на так называемых «открытых судебных процессах» отправит на тот свет не один десяток «врагов». Во многих бериевских провокациях примет руководящее участие, множество фальшивок скрепит недрогнувшей рукой. И благополучно доживет до наших дней. Судьбой Левана Гогоберидзе Хозяин распорядился иначе. В тридцать седьмом он получит назначение в город Ейск, что стоит на берегу Азовского моря. Там его, нового секретаря горкома партийки арестуют.

Одним из руководителей — пока еще не главным — людоедской расправы 1924 года был Лаврентий Берия. Пройдет всего шесть-семь лет, и он возглавит организованный Сталиным геноцид против грузинской интеллигенции.

У Берия были с ней свои счета.

Как раз в то время партию сотрясала дискуссия, в ходе которой Сталин, признанный мастер политической интриги, надеялся скомпрометировать Троцкого, убрать с дороги самого опасного соперника. В этой борьбе старая гвардия грузинских большевиков не поддержала генсека. Объяснение этому следует искать не в идеологических разногласиях. Старые большевики знали подлинного товарища Кобу, они были убеждены в том, что ему не место в ЦК, что на посту генсека он позорит партию, губит ее.

В двадцать пятом году, беседуя с группой видных грузинских партийцев, Сталин спросил, имея в виду Льва Троцкого: «Чего вы хотите от этого еврея? Я ведь ваш, мы одной крови. Нам нечего делить, надо восстановить взаимное доверие, вспомнить старую дружбу. Может быть, вам не нравится Закавказская Федерация? Пожалуйста, я ее создал, я ее и ликвидирую».

Сказано это было в полушутливом тоне, но генсек преследовал цель серьезную. Сколько лет со злобой и болью терпел он моральный остракизм, которому его подвергли на родине... Буду Мдивани, Сережа Кавтарадзе, Михаил Окуджава и другие товарищи не поддались на уговоры. Противен он им был.

На прощание Сталин обронил с деланной грустью: «Это не совсем разумно с вашей стороны. Учтите...»

... Прошло пять лет. Генсек убедился в непреклонности старых партийцев.

Летом 1931 года он еще раз приехал в Тифлис. Его сопровождал Лаврентий Берия, но напрасно этому обстоятельству особого значения никто не придавал.

Напрасно.

В истории покорения Грузии Сталиным наступил новый этап. Начав в двадцать четвертом массовое истребление интеллигенции, Сталин не решался еще тогда поднять руку на зачинателей большевистского движения... Теперь, утвердившись на московском троне, он изготовился к борьбе со старой гвардией.

Он нашел человека, проверил его в деле, убедился в его преданности и силе, он нашел человека, способного сломить хребет любой оппозиции, готового окровавить и поставить на колени гордую Грузию.

Вскоре генсек предоставит Берия пост первого секретаря грузинского ЦК.

Назначение — именно назначение, ибо выборы секретарей давно стали фикцией, — Берия на пост первого секретаря ЦК партии Грузии и второго секретаря Закрайкома состоялось 31 октября 1931 года.

...Такого история нашей партии не знала никогда. Секретарь ЦК провел свой первый день в полупустом здании: ни один заведующий отделом в знак протеста не вышел на работу. Тогда-то Мамия Орахелашвили, первый секретарь Закрайкома, собрал у себя молодых коммунистов. Орахелашвили предложил товарищам тотчас приступить к работе в аппарате ЦК: «Вы должны подавить неприязнь к Лаврентию Павловичу Если вы доверяете мне, вы обязаны найти с ним общий язык. Его рекомендовал лично товарищ Сталин».

Погром культуры

В 1936 году Максим Горький изрек свое знаменитое «Если враг не сдается, его уничтожают!». В тридцать седьмом в Тбилиси глашатаем террора сделали посмертно Владимира Маяковского. Напечатали подходящие строки:

Не тешься,
товарищ,
мирными днями,
сдавай добродушие в брак.
Товарищ, помни:
между нами
орудует
классовый враг.

Маяковский вырос в Грузии, переехал в Москву, достиг зенита славы и покончил с собой. К какой категории врагов причислили бы его теперь, останься он жить, поэт-бунтарь?

В тридцать седьмом было сделано все для того, чтобы поставить на колени литераторов Закавказья. Для начала — небольшой майский погром на собрании писателей Грузии. Оно прошло под девизом «До конца вскрыть подрывную работу врагов народа в литературе» Основной докладчик, А. С. Татаришвили, требовал крови. Оказывается, бывший руководитель писательской организации Малакия Торошелидзе был двурушником и заклятым врагом. Под стать ему — троцкистские наемники Вардин, Нароушвили, Феодосишвили.. Но главный враг — Торошелидзе.

Это он заставил одного из членов грузинской делегации выступить на Всесоюзном съезде писателей (август — сентябрь 1934-го) с заявлением о солидарности с вредительской позицией контрреволюционера Бухарина. Сам Торошелидзе с трибуны съезда очернил Илью Чавчавадзе, который почему-то не предрек конца дворянству Вазу Пшавелу он представил апологетом общинного уклада. Меньшевик, троцкист и диверсант Торошелидзе развалил писательскую организацию Грузии. На этом собрании писатели узнали, что Б. Буачидзе возглавлял филиал авербаховской группировки в Грузии. Не прошло и двух недель, как Буачидзе исключили из Союза писателей и из партии «в связи с его участием в контрреволюционной работе авербаховско-троцкистской банды и с непрерывной антипартийной вредительской деятельностью в грузинской литературе».

Так смешалась клевета старая с клеветой свежей. Так был выполнен заказ — привязать телегу грузинской контрреволюции к московской колеснице. Были названы имена других «последышей троцкизма» — Б. Бибинейшвили, Р. Каладзе, С. Талаквадзе... Потом погром перекинулся на армянскую секцию. Здесь подлежала искоренению группа

шовинистов-националистов во главе с проходимцем и вредителем Халатяном. Представитель армянской секции Корюн незамедлительно выступил с разоблачением подрывной деятельности врагов народа — литераторов. Они пробрались в среду писателей Азербайджана и Юго-Осетии.

Досталось и маститым — К. Гамсахурдиа и М. Джавахишвили. Потом начался сеанс самобичевания. Признался в своих заблуждениях романист Гамсахурдиа.

Осудил свои ошибки поэт Паоло Яшвили. Извинялся за творческие срывы Тициан Табидзе.

То были слова, предписанные свыше. Там же, наверху, уже решили, кому чем воздать за прегрешения.

История погрома в грузинской литературе навсегда связана с именем Лаврентия Берия. Истребление честных писателей, преследование тех, кто хотя бы пытался сохранить свое творческое лицо, — ко всему этому он приложил руку.

То было время перековки прозаиков, поэтов, критиков. Попав на эту наковальню, литератор знал, что его постригут, подрежут, сплющат, — словом, обезобразят по первому разряду. Но оставят в живых. И допустят его, перекованного, к полному корыту. С начала 1935 года, после убийства Кирова, когда террор вышел на большую дорогу, наковальню убрали и пустили в ход ножи.

В 1937 году, выступая на X съезде КП Грузии, Берия проявил сердечную заботу о грузинской литературе. Вначале — критика, «принципиальная», «большевистская».

В ассоциации пролетарских писателей (ГрузАПП) процветает групповщина. В группе «Голубые роги» (П. Яшвили, Т. Табидзе, Г. Леонидзе) он уловил отзвуки декаданса революционной поры. На крайне правых позициях стоит «Академическая ассоциация» — К. Гамсахурдиа, А. Абашели и кое-кто еще. «Лефовцы» — С. Чиковани, Б. Жгенти, Л. Асатиани, Д. Шенгелия — встали на путь исправления. Шенгелия, например, закончил новый роман о юности товарища Сталина. Группа «Арифioni» — М. Джавахишвили, Л. Киачели, Г. Кикодзе — пока отстают от требований времени, но наши успехи Многих уже «переделали».

Выросла плеяда пролетарских писателей. Надо особо отметить поэму Леонидзе «Детство и отрочество Вождя»...

Еще несколько комплиментов драматургам, которые раньше других освоили новейшую манеру ползания на коленях...

Но у нас есть литераторы, которые состоят в связях с врагами народа: Ломинадзе, Агниашвили, Джикия, Элиава... Поэту Паоло Яшвили — ему ведь уже за сорок — пора взяться за ум... Серьезно подумать о своем поведении не мешало бы также Гамсахурдиа, Джавахишвили... и еще кое-кому.

Грозно звякнули ключи в руке главного надзирателя. Зал оскалился:

- Давно пора!
- Правильно!
- Верно, товарищ Лаврентий!

Знали или нет поэты истинную цену генсеку, не имело значения: славословие Вождю народов стало уже непременным условием сохранения жизни.

... Пусть же он будет на все времена
 Счастьем в лучах материнского взора.
 И пусть расцветает родная страна,
 Имея великую эту опору.
Тициан Табидзе

Новые всходы лелея,
Соединяя народы,
С новым огнем Прометея
Стал ты на страже свободы.

Паоло Яшвили

Эти позорные вирши «Заря Востока» опубликовала 4 апреля 1937-го в рубрике — на всю страницу — «Грузинские стихи и песни о товарище Сталине».

Через месяц Лаврентий Берия арестовал Джикия и Табидзе. Ему донесли о других, крамольных, стихах Тициана. Яшвили не тронули.

Когда Джикия на следствии обвинили в причастности к оппозиции, он не удивился. Но вот следователь инкриминирует ему конкретные высказывания против Берия и Сталина. Джикия поразился: они часто беседовали втроем, ни Табидзе, ни Яшвили не могли его выдать. Владимиру Джикия устроили очную ставку с Паоло Яшвили. После этой встречи в кабинете следователя поэту стало ясно, что теперь его арестуют и, прежде чем казнить, ославят как провокатора.

По воскресеньям его жена, студентка Политехнического института, отправлялась вместе с дочерью-школьницей к своим родителям. Накануне Яшвили взял свое ружье в местном отделении Союза охотников и отнес его в особняк писателей на улицу Мачабели. Написал несколько писем — жене, старшему брату Михаилу, дочери, Лаврентию Берия — и отнес на почту. На другой день, проводив жену с дочерью в гости и пообещав прийти позднее, отправился в Дом писателей. Поэт присутствовал на каком-то заседании, потом поднялся на второй этаж, где накануне припрятал ружье, и покончил с собой. Поздно вечером вернувшись домой, жена и дочь стали поджидать Паоло. В полночь явились агенты НКВД, два грузина и русский. Забрали все бумаги, фотографии, книги. Самым старательным оказался русский, он даже подушки вспарывал.

Вскоре пришли письма Яшвили.

«Если бы я не поступил так, — писал он дочери, — ты была бы более несчастна. Причина моей смерти та, что люди, которые являются настоящими врагами народа, хотели запятнать мое имя...»

... В конце тридцать седьмого, став признанным вождем Грузии, Берия позволил себе теоретизировать на тему геноцида. Дескать, кадры старой грузинской интеллигенции состояли из представителей господствующих классов.

Поэтому старая интеллигенция враждебна пролетариату. Эмигрировавшие за границу меньшевики Жордания, Церетели, Гегечкори, Робакидзе... сумели толкнуть некоторую часть грузинской интеллигенции вместе с остатками разгромленного бывшего дворянства... на кровавую авантюру. Берия имел в виду «вооруженное восстание» 1924 года.

«У нас появилась совершенно новая советская интеллигенция, — с удовлетворением отметил Папа Малый. — Она состоит на 80-90% из выходцев из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся».

Значит, всего 10-20% интеллигенции пережило погром. Спустя четверть века светозарный Мао повторит это достижение. Пол Пот его превзойдет.

Осатанев от избытка власти, диктаторы истребляют цвет собственного народа.

Что это — простое совпадение или историческая преемственность?

Его книга

В 1929 году Л. Каганович объявил генсека Вождем. С его легкой руки Москва, Ленинград, Киев, Урал, Сибирь — вся страна втянулась в позорную истерику возвеличения ничтожества. В общем хоре недоставало лишь голоса Закавказья. Там помнили еще мнение старой гвардии социал-демократов: Ной Жордания, например, называл Сталина не иначе как варваром.

Признанные большевики Миха Цхакая, Филипп Махарадзе, Шалва Элиава, Мамия Орахелашвили недоумевали: «Какой же это „вождь“?..»

Узурпатору, засевавшему в далеком Кремле, нужно было реабилитировать себя, отмыть свое темное прошлое именно в Закавказье, в родной Грузии — прежде всего. Одним из первых, кому Сталин намекнул о необходимости воссоздать историю революционного движения в Грузии, был Мамия Орахелашвили. Тот понял сразу, куда клонит генсек, и отказался от сомнительной чести стать сочинителем его «героических приключений».

Следующей кандидатурой стал ректор Тбилисского университета Малакия Торошелидзе, филолог и специалист по диалектическому материализму. За несколько лет до этого он возглавлял Госплан Закавказского крайисполкома, одновременно читал студентам лекции по диамату. ЦК поручил ему руководить изданием трудов Маркса, Энгельса, Ленина на грузинском языке.

Осенью 1934 года Берия вызвал к себе Торошелидзе и предложил ему написать книгу о первых большевистских организациях Закавказья, отразив в ней, разумеется, руководящую роль товарища Сталина. Предложение было сделано таким тоном, что оставалось лишь согласиться.

Сталин начал было терять терпение: сколько можно тянуть с выполнением партийного задания? Но вот в Москву прибыл с докладом Лаврентий: нашелся автор будущей книги — ректор университета, знаток марксизма-ленинизма, проверенный товарищ.

С Александром Папава, проректором университета по учебной части, у Торошелидзе сложились особо доверительные отношения. С его отцом они дружили еще в дореволюционную пору, когда жили в Самтредия. Однажды — это было в конце октября — к нему зашел сияющий Торошелидзе:

— Я только что от Сталина, он принимал меня в Гагре, на Холодной речке. Встретил как родного, крепко обнял. Когда появился Берия, Сталин попросил: «Слушай, Лаврентий, иди погуляй. Оставь нас, стариков, одних». Мы долго беседовали, потом подали обед. Сталин провел меня в застекленную галерею. Сыграли две партии в нарды и легли отдыхать на кушетках. Я незаметно для себя уснул. Просыпаюсь, хочу закурить, но в галерее тихо. Он спит... Вдруг: "Слушай, Малакия, ты проснулся? Знаешь, лежу, хочу закурить, сколько времени терпел, боялся тебя разбудить.."

Сталин подробно проинструктировал Торошелидзе: о ком писать, как писать, что выделить, что опустить. Работа над книгой уже началась. Главным помощником Торошелидзе стал Эрнест Бедия. Поскольку архивные материалы были весьма скудны — никто в годы подполья не вел протоколов, журналов, картотек, — основным источником для автора послужили воспоминания участников событий. Сбор материалов Лаврентий Павлович поручил Бедия, отрядив ему в помощь нескольких расторопных аспирантов, в их числе одну молодую москвичку.

Находили покладистых (и нуждающихся) стариков — «свидетелей» и «участников» революционной борьбы. Бедия вручал каждому пакет с деньгами, 200–300 рублей, с лестным присловьем — дескать, товарищ Сталин Вас помнит, вот просил Вам передать из своего гонорара.

Скоро папки на столе Торошелидзе наполнились нужными «воспоминаниями»:

Сталин уже тогда, в начале века, был Великим Вождем, остальные ему только мешали, став жертвами меньшевистской идеологии; товарищ Коба был

большевиком от рождения, ленинцем стал задолго до знакомства с трудами Ленина и личной встречи с ним.

После убийства Кирова Вождь открыл все шлюзы для повального террора.

Но, погруженный в эти заботы, он не забывал о книге. Берия торопил свою бригаду, и в начале января 1935 года Торошелидзе повез в Москву рукопись — 250 страниц. Согласно указанию. Сталин оставил текст у себя. Через несколько дней он вызвал Торошелидзе и вернул рукопись со своими пометками. Автор показывал потом выправленные рукою Вождя страницы. Там, где упоминалось его имя, Сталин проявил заботу об эпитетах: «с блестящей речью», «исключительная принципиальность», «беспощадно боролся» и тому подобное. Много пометок в духе: «по инициативе товарища Сталина», «товарищ Сталин развертывает борьбу»...

В угоду генсеку автор лягнул Авеля Енукидзе, который якобы исказил исторические факты и преувеличил свою роль в революционном движении. Но Сталину этого показалось мало, и он перед словом «преувеличил» вписал: «чрезмерно»...

Беседуя с Торошелидзе, Сталин по обыкновению играл. На этот раз он надел маску скромного, лишенного всякой амбиции человека, объективного историка. Он просил автора более наглядно выявить руководящее участие в партийном строительстве, в борьбе с самодержавием таких большевиков, как Цулукидзе, Кецховели, Цхакая, Шаумян. О «ме-сами-даси», которую автор, по укоренившейся традиции, уподобил банде уголовников, Сталин заметил, что нельзя оплевывать эту первую в Грузии марксистскую социал-демократическую организацию.

Беседа подошла к концу, Хозяин поднялся из-за стола и, будто только что вспомнив, спросил:

— Слушай, а как быть с авторством? Знаешь что, пусть автором будет Лаврентий Берия. Он молодой, растущий... Ты, Малакия, не обидишься?

Вождь отечески потрепал Торошелидзе по плечу. И вопрос был решен.

Но прежде чем книга была опубликована, Берия выступил с докладом на собрании актива тбилисской парторганизации 21 июля 1935 года. Чтение длилось пять часов. Докладчику приходилось то и дело останавливаться и вместе со всеми участвовать в овациях в честь Великого Вождя. Вопли активистов слились в могучий рев, прорезаемый женским визгом. На другой день состоялись прения и массовое поклонение идолу, в заключение — еще одна здравица генсеку.

Актив поручил Тбилисскому комитету начать глубокое изучение доклада товарища Берия во всех парторганизациях, во всех кружках и учебных заведениях. И еще: организовать массовое издание текста доклада.

27 июля было опубликовано специальное постановление Тбилисского комитета, а до этого — письмо Сталину с уверениями в горячей любви к гению человечества и сам текст доклада Берия в двух номерах «Зари Востока», 24 и 25 июля.

То было начало. А потом... «За большевистское изучение истории парторганизаций Закавказья!» «Учиться круглый год!»... «Заря Востока» заводит постоянную рубрику, бериевскому опусу посвящены целые страницы. А вот и передовица «Правды»: «Вклад в летопись большевизма». Ценнейшим вкладом открытие Лаврентия Павловича названо в тексте статьи. Насквозь лживый доклад по мнению «Правды» достоверно освещает историю... Вслед за этим выступила «Ленинградская правда» и другие газеты. Целый оркестр. Об инструментровке кремлевский композитор позаботился загодя.

К началу сентября доклад Берия вышел из печати отдельной брошюрой.

Истинную цену этого сочинения знали почти все пожилые люди, но именно старым рабочим выпала сомнительная честь придать откровенной фальсификации видимость достоверности. Тенгиз Жгенти рассказывает читателям «Зари Востока» о событиях 1903 года, когда в кутаисской тюрьме Коба бесстрашно предъявил губернатору петицию.... Он всегда первым запевал «Марсельезу», а когда его этапировали в Батуми, вся тюрьма

протестовала против отправки любимого вождя...

Другой «очевидец» повествует о Баилловской тюрьме. Перед отправкой из Баку партии осужденных товарищ Коба так напутствовал их: «Берегите кандалы. Они пригодятся нам для царского правительства!»

Но никто не унизил кандалами царских министров в феврале семнадцатого и членов Временного правительства в октябре. Сталин надел кандалы на честных патриотов, не желавших примириться с его произволом. Я сам видел этих каторжан в конце войны в зонах Воркутлага.

Осуществлению бериевской программы фальсификации истории и возведения генсека в ранг правоверного Вождя мешали ранние выступления таких признанных революционеров, как Филипп Махарадзе, Авель Енукидзе, Мамия Орахелашвили. Последний опубликовал в 1926 году брошюру «Путь грузинской жиронды», где справедливо называет меньшевиков истинными демократами, а их лидера Ноя Жордания — марксистом. Автор верно осветил совместную — большевиков с меньшевиками — борьбу против царизма. И — ни одного проклятия на головы меньшевиков и эсеров. Все это никак не вязалось с писаниями Лаврентия Павловича Берия. Статья Н. Горделадзе в «Заре Востока» об «ошибках» М. Орахелашвили напечатана по указанию Берия. Автор статьи называет Каутского вместе с Плехановым и Чхенкели представителями контрреволюционной партии меньшевиков. При этом он обвиняет Орахелашвили в игнорировании им высказываний Ленина и Сталина. Касаясь работы Орахелашвили «Вопросы пролетарской революции», Горделадзе называет ее «троцкистской», автор-де идет в разрез с теми оценками исторических событий и деятелей, которые дал товарищ Берия.

Для шельмования Мамия Орахелашвили, а значит, и всех честных марксистов, не хватило одного номера газеты. Инспирированная Берия статья заняла еще два с половиной подвала следующего.

В заключение Орахелашвили предлагают (кто — автор статьи, редакция или сам Лаврентий Павлович?) полностью раскаяться в попытке фальсифицировать историю.

Филипп Махарадзе, один из старейших социал-демократов, не стал ожидать окриков и уже 4 января 1936 года выступил с большой покаянной статьей («В порядке самокритики»). Перед этой очистительной акцией автор возносит молитву генсеку и местному партийному вождю. Он воспекает великие заслуги товарища Берия, ведь он, "впервые поставил изучение истории большевизма в

Закавказье на настоящие большевистские рельсы". Лаврентий Павлович «осветил ту исключительную роль, которую играл товарищ Сталин в закавказских организациях». Это — тоже впервые. И еще. Лаврентий Берия открыл глаза ему, несмышленому Филиппу, на ошибочные взгляды, изложенные в его «Очерках революционного движения в Закавказье»: примиренческое отношение к меньшевикам, и — что еще страшнее — им ни разу не упомянуто имя Сталина как руководителя революционного подполья.

Теперь, после исторического доклада товарища Берия, все стало на свои места, и тот, кто в начале века руководил революционным Закавказьем, стал ныне величайшим Вождем мирового пролетариата

Начав с молитвы, молитвой и заканчивает Махарадзе. Торжественные «аллилуйя» разносятся со всех печатных амвонов Журнал «Пролетарская революция» в статье «Крупнейший вклад в сокровищницу большевизма» перечисляет достоинства бериевской брошюры, не скупясь на самые восторженные эпитеты и восклицательные знаки «Героическая летопись большевизма, — вещает редакция, — пополнилась крупным вкладом» Автор вскрывает и изобличает фальсификацию истории в трудах Махарадзе, Енукидзе и Орахелашвили Но главная заслуга Берия — показ необыкновенно большой и разносторонней деятельности товарища Сталина, «который никогда не расходился с Лениным».

Тиражированию тбилисского доклада генсек придал государственный размах

Миллионы экземпляров легли на столы миллионов простаков Можно подумать, что

Сталин последовал совету вождя немецких фашистов «Крупные массы людей легче станут жертвами большой лжи, чем маленькой». Так полагал Гитлер. Но разве московский фюрер не мог прийти к этому выводу вполне самостоятельно?

Отныне в театре Иосифа Сталина за Лаврентием Берия закреплена роль историографа. Часто он выходит на сцену в наряде теоретика Публика — дура, она все слопаёт.

Прошло совсем немного времени, и цитирование Берия стало политической модой. Эрик Бедия, этот штатный звонарь при сталинском наместнике в Тбилиси, горячо рекомендует разъяснять и популяризировать такие классические работы Лаврентия Павловича, как: 1) Доклад «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов Грузии», 2) Статьи «Новая Конституция и Закавказская Федерация» и 3) «Развезть в прах врагов социализма!».

Последнюю статью, зубодробительную, нацеленную на истребление всех инакомыслящих, Э. Бедия цитирует с высокооплаченной охотой. Эрика Бедия, одного из составителей бериевских «трудов», тоже ждет пыточная камера — обычная плата за ценные услуги. А пока он говорит и говорит, пишет и пишет. Его программная статья «1 мая 1901 года в Тбилиси» рисует Кобу, этого двадцатидвухлетнего хулигана, признанным лидером революционного движения Закавказья. И подтверждает сей миф обильными цитатами из книги Лаврентия Берия.

Эта книга получила невиданно широкую рекламу — на собраниях, конференциях, съездах, в периодической печати, в учебных заведениях, музеях.

Вот характерная запись в книге отзывов Авлабарской типографии-музея «Осмотр типографии повышает интерес к книге товарища Берия, желание изучить ее еще глубже и основательней».

Повсюду устраиваются соответствующие выставки. Одна из них открылась повторно в январе 1937 года в Галерее Союза художников Грузии под девизом «К истории большевистских организаций Грузии и Закавказья». Другая — в здании филиала института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

И повсюду, на каждом шагу, на каждом метре экспозиции — Сталин, Сталин, Сталин. И в центре внимания — книга Берия, боевого соратника Вождя.

Вслед за Берия все газетные рецензии ставят Сталина во главе самых значительных событий революционного движения Закавказья.

В 1936 году авторов-составителей бериевской фальшивки арестовали и, обвинив в террористическом заговоре против Сталина, прилежно казнили. Никого не оставил своим вниманием Берия, даже московскую аспирантку. Она — единственная — выжила. Вернувшись из лагеря в Москву, пришла в ЦК и написала краткую историю знаменитой книги.

Перед нами второе, подарочное (1936 года) издание. Отличная бумага, десятки фотографий, отменные цветные репродукции «новобиблейских» картин.

Товарищ Сталин — руководитель рабочего кружка в Тифлисе в 1898 году.

Нелегальное собрание на Ходжеванском кладбище в Тифлисе во главе с товарищем Сталиным. Товарищ Сталин среди своих соратников. Демонстрация батумских рабочих под руководством товарища Сталина в 1902 году.

Товарищ Сталин на митинге в Чиатуре в 1905 году разоблачает меньшевиков.

И еще и еще. Чуть ли не все главные события революционного движения в Закавказье начала века.

Изумленно, подобострастно, строго соблюдая дистанцию, взирают на юного, но уже такого гениального Вождя, маститые революционеры. Расступаются перед ним седобородые старцы в бурках, поспевают за героем кадровые рабочие. Некадровые — тоже. Но что это? На картине К. Хуцишвили Сталин изображен в роли организатора забастовки железнодорожных рабочих в 1902 году в Тифлисе.

Однако организатором этой забастовки он не мог быть хотя бы потому, что в то время находился в Батуми. Не Бедия с Берия изобрели этот простейший метод фальсификации истории. Но они подали заразительный пример, которому тотчас последовали мощные институты и академии. Целая армия лжеисториков, пуская нетерпеливые слюни (кормушка-то какая!), принялись перелицовывать прошлое.

Кто их остановит, сталинских портняжек?

Последняя глава бериевской книжки посвящена борьбе с национал-уклонизмом. Если принимать указания Ленина в области национальной политики за истину в последней инстанции, то главным уклонистом являлся не кто иной, как Сталин, с его проектом автономизации, с его практикой геноцида и порабощения приграничных народов. Но именно его Берия живописует таким стерильным ортодоксом-ленинцем, победоносно разящим внутренних врагов.

Национальную политику государства он именуется не иначе, как ленинско-сталинской. Все новации, авантюрные, антинародные, будут позднее связывать с именем одного гения — Сталина.

Так называемые грузинские национал-уклонисты в 1922 году протестовали против вредоносного проекта образования Закавказской Федерации и ходатайствовали о непосредственном вхождении Грузии в состав СССР. В книжке Берия упоминаются имена Буду Мдивани, Котэ Цинцадзе, Филиппа Махарадзе, Серго Кавтарадзе, Михаила Окуджавы, Малакии Торошелидзе, Владимира Думбадзе.

Через год-два их уничтожат.

Хозяин Лубянки

В декабре 1938-го Берия стал хозяином Лубянки. Никогда, ни до, ни после, в кресле шефа тайной полиции не сидел столь могущественный человек. Генриху Ягоде и Николаю Ежову Сталин только приказывал, с Лаврентием Берия мог и посоветоваться, с ним он даже планировал отдельные операции. С товарищем Лаврентием можно было говорить откровенно — какие там умолчания между честными компаньонами?

Давно подмечено: истинный интеллигент, даже если это прошедший тюрьмы и каторгу революционер, теряется, столкнувшись с неприкрытым хамством. Берия был не просто хамом, он носил свое агрессивное хамство как знамя. Он пришел в Москву, когда Сталин уже успел расправиться с близкими соратниками Ленина — Каменевым, Зиновьевым, Рыковым, Бухариным, Рудзутаком, Раковским, Серебряковым...

При них генсек еще как-то маскировал свою, с юности развращенную натуру. Теперь словно едкая кислота разлилась по Кремлю, вытравляя без остатка интеллигентность вместе с обыкновенной порядочностью.

Берия сразу же оказался своим среди своих. Вот он чокается бокалом вина с хитроумным Микояном, фотографируется в обнимку с простоватым Ворошиловым, с наигранным интересом внимает тугодуму Молотову. Он на удивление быстро и естественно вписался в антураж главного кресла. Именно такого человека не хватало Сталину для душевного комфорта. Но полного комфорта ему не было дано вкушать никогда, так же, как и Берия. То были одинокие волки. И союз их был волчий.

... Кампания смягчения террора, объявленная в начале 1939 года, как она отозвалась на судьбе миллионов, томившихся в бесчисленных тюрьмах-лагерях сталинской земли? Может быть, заключенным после пыток-побоев стали выдавать мягкие матрасы или заменили постылую баланду обыкновенными щами с котлетами?

Может быть, разрешили свидания с родственниками, облегчили режим, убавили убийственный труд на благо Хозяина? Нет. На такие материальные и духовные траты ни Сталин, ни Берия, люди государственные, не могли согласиться. Как и все иные политические кампании, эта изошла демагогическим дымом.

Человек сугубо театральный, Сталин поручил роль чуткого инспектора члену

Политбюро Андрею Андрееву. И вот этот насмерть запуганный функционер приступил к проверке ведомства Берия на предмет невинно арестованных. Трудно придумать смешнее ситуацию. Уж не Лаврентий ли Павлович подсказал Иосифу Виссарионовичу кандидатуру Андреева?

Из дальней области привезли одного низового партработника, участника опасной контрреволюционной организации, и предложили здесь, в кабинете некоей следственной части НКВД, рассказать «представителю ЦК» всю правду. Запутавшийся в собственных показаниях, чуть живой «враг народа», не разглядев сразу члена Политбюро в затененном углу, не знал, на что решиться. Он уже не раз пострадал от провокаций и, даже узнав Андреева, боялся подвоха. «Андреев уйдет, а я останусь тут, в их руках..» — размышлял арестант. И он подтвердил свои чудовищные показания и попал под расстрел. Вместе с «соучастниками».

Эта комедия разыгрывалась на Лубянке в тридцать девятом не раз и не два — в присутствии Андреева и сотрудников Берия Только подследственных менял режиссер.

Наркоминдел

Народный комиссариат иностранных дел подвергся погрому в одно время с остальными наркоматами, в годы 1937-1938, до прихода на Лубянку Лаврентия Берия. Сколько старых членов партии — послов, сколько советников, секретарей, атташе полегло тогда Кое-кого удалось спасти Литвинову, он настойчиво ходатайствовал перед Политбюро, поручался за сотрудников перед Сталиным. Но вот подошла и его очередь.

Пытаясь как-то успокоить общественное мнение на Западе, Сталин разослал послам крупных государств специальную программу, в которой указал, что отставка Литвинова никак не связана с изменением внешней политики Советского Союза, а вызвана лишь разногласиями бывшего наркома с Молотовым по вопросу о кадрах.

Как всегда цинично-лживый, генсек на сей раз оставил неприкрытым намек на полуправду. Литвинов действительно пытался отстоять старые кадры дипломатов. Но сколько удалось ему спасти за те девять лет (1930 — 1939), что он возглавлял наркомат?

Арестованным работникам НКВД вписывали в протоколы допросов показания против Литвинова Ничего особенного. подрыв, измена, троцкистские связи, контрреволюция, шпионаж — привычный набор, повторявшийся на всех «открытых процессах» Дело стало за малым — арестовать изменника.

1 мая 1939 года Литвинов занимал свое привычное место на трибуне возле Мавзолея, на виду у иностранных дипломатов.

Берия ожидал команды генсека со дня на день, но Вождь медлил. То ли он считал зорным казнить наркома, сторонника проанглийской политики, в момент крутого поворота — империалистическим акулам только дай пищу для сенсации.

То ли руку Вождя удерживала память о революционных заслугах Литвинова, то ли к старости мягче нравом стал, расслабился. Шестьдесят лет — возраст почтенный. Пока еще он Хозяин. И может себе позволить такой каприз — обложить человека со всех сторон и не тронуть.

2 мая 1939-го в кабинете Литвинова собралась комиссия ЦК. Молотов — председатель, Маленков, Берия, Деканозов — члены.

Задолго до этого майского дня уполномоченные Сталина и Молотова наладили тайные контакты с Гитлером. На втором уровне — Лубянка и гестапо — происходил активный обмен опытом и людьми. Все это делалось без ведома прекрасногодушного Максима Максимовича Литвинова.

... Ответственных работников НКВД вызвали в секретариат поздно вечером.

Они приходили один за другим, ничего еще не ведая, но встревоженные настойчивым тоном секретаря Заведующий правовым отделом Плоткин, управляющий делами Корженко, недавно присланный из НКВД для укрепления порядка.

Сотрудник спецотдела Токмаков, ведавший сугубо секретными личными делами работников наркомата. Заведующий отделом Прибалтики Бежанов. Заведующий отделом печати Гнедин. Некоторых, как Бежанова и Гнедина, вызвали прямо с официальных приемов.

... Молотов больше отмалчивался и все время что-то писал Литвинов тоже не вмешивался в ход допроса. Формально это называлось — сделать сообщение о работе отдела, на деле же комиссия выпытывала сведения, порочащие наркома, и добивалась от допрашиваемых признания во вредительстве на ниве дипломатии.

Картину заседания комиссии воссоздал в своих мемуарах Евгений Александрович Гнедин. Ему запомнилась молчаливая, но полная затаенной угрозы фигура Берия. Гнедин докладывал о работе своего отдела. Когда он перешел к характеристике иностранных корреспондентов, Берия встрепенулся:

— Об этом мы с вами еще поговорим!

Гнедин посетовал на плохую организацию контрпропаганды за границей. Оказывается, даже пропаганда советских достижений была поставлена плохо. Настолько плохо, что иностранные корреспонденты вынуждены были обращаться в отдел печати за сведениями обыкновенной, незасекреченной экономической статистики.

— Так вы этим и занимались! — бросил злобно Берия. Он уже располагал нужными показаниями о «шпионской деятельности» Гнедина.

Следующая тема оказалась еще острее: Гнедин заговорил о никчемности цензуры над сообщениями иностранных корреспондентов. Лицо Молотова надменно застыло, Маленков взглянул на смертника изумленно и усмехнулся, а Берия, вельможно откинувшись на спинку кресла, воскликнул.

— Вы говорите вещи, которых не решится сказать даже член Политбюро!

Этот вечер тянулся долго, очень долго. Из кабинета наркома Гнедин поспешил на пресс-конференцию, ответил на все вопросы иностранных корреспондентов, завизировал тексты их телеграмм и составил справку для комиссии ЦК. Вскоре его вызвали вторично. Литвинова он уже в кабинете не застал, остальные были на месте. Берия глядел на Гнедина сквозь стекла пенсне в упор, с откровенной неприязнью и злорадством. Молотов отчитал Гнедина резко, грубо. Казалось, с ним все кончено. Но Гнедин оставался на своем месте еще неделю, до 10 мая. В этот день Деканозов, новый заместитель наркома иностранных дел, вызвал его на 7 часов вечера. Тот вечер стал для многих последним на воле. Действуя по плану, согласованному с Молотовым и Берия, Деканозов устроил в здании НКВД нечто вроде пересыльного пункта, откуда сотрудников препровождали на Лубянку, во внутреннюю тюрьму. Не понадобились ни поезда, ни автомобили — оба здания, НКВД и НКВД, стояли vis-a-vis.

Деканозов сидел в кабинете зам. наркома Стомонякова. Борис Спиридонович накануне, в момент ареста наложил на себя руки и скончался в тюремной больнице.

Арестованных сотрудников Наркоминдела Берия препоручал своему давнему подручному, испытанному костолому Богдану Кобулову.

На первом же ночном допросе Кобулов назвал Гнедина крупным шпионом. В камеру его отвели под утро, но заснуть так и не дали, вызывали вновь и вновь и в сопровождении трех конвоиров повели куда-то. Одного из конвоиров он принял за ответственного работника Верховного Суда, который наблюдал обычно за порядком на так называемых открытых процессах. Относительно должности Гнедин ошибся, это был Миронов, начальник внутренней тюрьмы НКВД.

Подследственного провели в кабинет Берия.

Длинный стол заседаний, на нем — ваза с апельсинами. У дальней стены огромной комнаты — письменный стол. Когда Гнедина ввели, Берия беседовал о чем-то с Кобуловым. Разговаривали по грузински, но вот Берия прервал беседу, и Кобулов официально доложил «Товарищ народный комиссар, подследственный Гнедин на первом допросе вел себя дерзко, но он признал свои связи с врагами народа». Гнедин, не ожидая приглашения, заявил, что

виновным себя не признает, а что касается «связей», то он лишь перечислил фамилии арестованных друзей.

Последовал сильный удар в скулу. Кобулов сидел рядом, ему было сподручно бить. Гнедин качнулся влево — удар помощника Кобулова привел его в первоначальное положение. Били долго, со знанием дела. Со вкусом. "Берия сидел напротив и со спокойным любопытством наблюдал" — вспомнит потом Гнедин

После первой порции начался допрос. Оглушенный разбитый Гнедин все же не утратил стойкости духа. Он отказался признать себя государственным изменником. По всему было видно, что здесь таких клиентов не любят. Берия поднялся и приказал Гнедину лечь на ковер. Тот лег на спину.

— Не так! — бросил нетерпеливо хозяин.

Гнедин лег ногами к письменному столу.

— Не так!

Гнедин лег к столу головой. И вновь не угадал. В кабинете появилось еще несколько специалистов Берия приказал им заняться непонятливым шпионом.

Гнедина раздели, перевернули и принялись бить резиновыми дубинками.

— Следов не оставлять! — приказал народный комиссар.

Гнедин давно подозревал, что линия ЦК на исправление допущенных Ежовым ошибок, разговоры о соблюдении законности и пересмотре дел — все это очередная кампания, рассчитанная на простаков. Сталин не удосужился даже отменить пытки и побои. Ежова сняли, а новый нарком, чем он лучше. Больше всего отдавались удары по пяткам. Гнедин кричал, но к этому здесь видимо привыкли. Били до тех пор, пока сами не утомились.

Как предполагает Гнедин, Берия в те дни преследовал главную цель — получить материалы против Литвинова. Берия и Кобулов называли его «бывшего начальника» обер-шпионом и со злорадством предрекали, что в «том» кабинете Гнедину уже не бывать никогда.

Избитого раздетого донага дипломата бросили в холодный карцер. Через некоторое время экзекуция в кабинете Берия повторилась. На этот раз стойкость Гнедина была вознаграждена.

— Волевой человек, вот такого бы перевербовать — сказал с наигранной интонацией Берия.

Стандартный провокационный прием, придуманный далекими предшественниками Лаврентия Павловича.

В камеру к Гнедину бросили переодетого агента, который ловил каждый его вздох. Передышки Гнедину не давали, конвейер работал круглосуточно. Его таскали из кабинета в кабинет и били, били, били. Особенно свирепо истязали в кабинете Кобулова — сколько раз Гнедин терял там сознание. Может быть его готовили к показательному процессу и лишь потому не прикончили.

Технология погрома в НКВД была проста и надежна, ее испытали предшественники Берия. Лаврентию Павловичу не пришлось напрягать свой ответственный мозг. Весной тридцать девятого взяли первую в том году партию сотрудников Литвинова, выбили из них показания на остальных. Когда на Лубянку поступила вторая партия, следователи располагали широким ассортиментом провокационных показаний. После ареста и гибели зам. наркома Николая Крестинского — «главы контрреволюционного заговора» — в НКВД эту почетную должность приписали заведующему отделом печати. Арестованный ранее Евгений Гиршфельд, советник посольства во Франции, дал соответствующие легенде показания, и вот уже Гнедина допрашивают в новом для него качестве — руководителя антисоветского центра в НКВД. Начальник тюрьмы Миронов вновь сопровождавший Гнедина на очередной допрос, успел шепнуть ему в коридоре «Напрасно упорствуете».

Пыточный конвейер надломил Гнедина, но не сломил. Однако Берия уже предвкушал победу и приказал привести его вновь. Он надел маску воспитанного, интеллигентного человека и спросил благожелательно понял ли Гнедин, наконец, что должен рассказать о

своих преступлениях.

Пытаясь смягчить реакцию на свой отказ, Гнедин заявил что до сих пор не понимает, чего от него добиваются. Берия порядком надоела эта игра но он решил выдержать избранную роль.

— Такой философией и провокациями вы только ухудшаете свое положение.

Еще одна расхожая сентенция из репертуара следователей времен Генриха Ягоды.

Одним из тех кого затравил, а потом и прикончил Берия, был Алексей Нейман В 1938 году он возглавлял один из западных отделов НКВД. Это был широко образованный человек, душевный, простой в обращении, его многие сотрудники называли просто Алешей.

Сеть доносчиков в НКВД не Берия была создана, своих осведомителей и провокаторов Сталин внедрил туда при Ягоде и Ежове. Но именно в 1938-1939 годах они проявили себя зримо. Главным бериевским агентом был заместитель наркома Владимир Потемкин, академик, член ЦК с 1939 года.

В деле Гнедина имеется донос Потемкина на бывшего заведующего отделом печати. Он называет его немецким шпионом и с прискорбием отмечает, что Литвинов напрасно поручился за Гнедина перед Политбюро.

Заведующий одним из западных отделов Ф. С. Ваинберг был особенно близок с Потемкиным и с остервенением выявлял «врагов народа» в аппарате НКВД. На следствии Ваинберг повторил злобные нападки Потемкина на Литвинова. Клеветал он и на Гнедина.

Они старались, очень старались, но Берия не щадил и самых старательных.

И Ваинберг отсидел свое после реабилитации работал в Политиздате.

Михаил Кедров

С тревогой следил за необычайно счастливой карьерой Берия старый коммунист Михаил Кедров. Почему тогда, в двадцать первом, Дзержинский оставил без последствий его докладную.

Год 1939 и Берия — полномостный нарком внутренних дел. В органах госбезопасности, в непосредственном подчинении у Деканозова, работает младший сын Кедрова Игорь. Однажды он пришел к отцу вместе со своим другом и сослуживцем Владимиром Голубевым и рассказал о гнусных преступлениях творящихся на Лубянке. Молодые чекисты располагали точными фактами и у старшего Кедрова не оставалось сомнений в преступности Берия и его подручных. Невдомек было старому коммунисту, кто стоит за спиной Берия, кто планирует резню.

По совету Михаила Кедрова Игорь вместе с Голубевым написали и отнесли письмо в приемную генсека, а копию передали Матвею Шкирятову, заместителю председателя Комиссии партийного контроля. Не знали они того, что Шкирятов является ключевым исполнителем массового террора. Что Берия давно стал ему братом. Кровным братом.

Кедров старший обратился одновременно к Сталину с письмом, в котором сообщал о своей давнишней записке на имя Дзержинского. Кедров предостерегал Вождя в отношении Лаврентия Берия, который накануне войны истребляет лучшие партийные и военные кадры.

У Сталина были с Кедровым старые счеты. В своих воспоминаниях Кедров славит Ленина «Повсюду Ильич», «Ни шагу без Ильича», «Вождь Красной Армии». Это все — о Ленине, все о нем, в обход истинного организатора Советской власти и Красной Армии.

Игоря Кедрова с товарищем взяли в конце февраля 1939-го. И без лишних слов расстреляли. Михаил Кедров все еще не теряя надежды на справедливость, вновь обратился к Сталину.

На другой день, 16 апреля, схватили его самого.

Подробности ареста и следствия нам неизвестны. Лишь один факт, уникальный, стал достоянием истории: Верховный Суд СССР оправдал Михаила Кедрова. Такого с видными коммунистами не случалось ни до, ни после 1939 года.

Берия пренебрег решением суда.

В октябре 1941-го, когда немецкие армии подошли к Москве, из столицы в Саратов был отправлен специальный вагон с двадцатью двумя особо опасными преступниками. В их числе был и Михаил Кедров. Там, в саратовской тюрьме, в конце октября их расстреляли.

Сидя в камере, вспоминал ли большевик Кедров лето восемнадцатого, Архангельск, где он силой разогнал городскую думу и арестовал меньшевиков и эсеров? Кто из них выжил тогда, кто пережил расстрельные тридцатые?

По приказу особо уполномоченного Совнаркома Михаила Кедрова в Архангельске казнили людей, отказавшихся принять новую власть. Позднее он скажет: «Я старался убедить себя в том, что подобные лица должны беспощадно уничтожаться, хотя бы они служили орудием в руках других. Тем не менее я колебался: всю жизнь я боролся против виселиц и расстрелов. Неужели теперь нужно прибегать к тем средствам, которые никогда раньше не достигали цели? Неужели рабоче-крестьянская власть не может обойтись без казней?»

Летом 1953-го, как только стало известно об аресте Берия, старший сын Кедрова, Бонифатий, обратился к Генеральному прокурору Руденко. Бонифатий Михайлович уже знал о судьбе двадцати двух этапированных во время войны в саратовскую тюрьму. «А мы-то думали-гадали, что это за список? — сказал Руденко и достал из сейфа лист бумаги. — Вот, смотрите: двадцать одна фамилия отпечатана, а Кедров добавлен рукой Берия последним».

В декабре 1953-го Прокуратура СССР сообщила об уничтожении Михаила Кедрова: «Берия и его соучастники боялись этого человека, способного разоблачить их преступную деятельность».

Теперь-то мы знаем, что боялись они только Сталина.

Последнее удобрение

... Он уже освоился на новом месте. Ничего, работать можно. Что, в сущности, изменилось? Здесь те же люди, что и в Тбилиси. Так же исправно доносят друг на друга, так же покорно садятся в «черные воронки», терпят клевету и пытки, предаются товарищей и родных, гибнут в тюрьмах и лагерях. И славят Вождя.

Все то же, все то же — на берегах Москвы-реки, на берегах Куры.

И Лубянка, центральная живодерня тех лет, ни в чем не изменилась. Все так же пытаются-убивают. И те же хлебные фургоны вывозят по ночам трупы в крематорий. И те же члены Военной коллегии Верховного Суда СССР нетерпеливо заглядывают в глазок металлической двери, за которой в сатанинском пламени исчезают останки «врагов народа».

И еще одна подробность. Пепел сожженных коммунистов — а сколько из них оказалось соратников Владимира Ильича Ленина — вывозили на поля подмосковного колхоза имени Ильича.

Последнее удобрение.

Центральный ансамбль НКВД

Московский литератор и художник Михаил Давыдович Вольпин после отбытия лагерного срока поселился в 1937 году в Вышнем Волочке, вместе с другим ссыльным, сценаристом Николаем Робертовичем Эрдманом. Всего триста километров отделяло их от столицы, но визит в Москву бывших врагов народа мог обернуться тюрьмой. Предписанный властями режим друзья не нарушали, поэтому внезапный вызов в НКВД их весьма озадачил.

В Москве литераторов встретил кинорежиссер Сергей Юткевич. Осенью 1939 года Лаврентий Павлович приказал создать при НКВД эстрадный ансамбль.

Этот коллектив был задуман как грандиозный эстрадный ансамбль — многожанровый, многочисленный, с привлечением самых громких имен.

Постановщиками программы стали крупнейшие режиссеры: Сергей Юткевич и Рубен Симонов. Художественное оформление Берия поручил не кому-нибудь, а Петру Вильямсу.

прославленному автору декораций Большого театра, хор — всемирно известному Александру Свешникову.

Асаф Мессерер заведовал танцевальным цехом. Ему ассистировал балетмейстер Касьян Голейзовский. Популярный гитарист Александр Иванов-Крамской вел оркестр народных инструментов, симфоническим оркестром дирижировал Михаил Бек. Театральную труппу возглавил корифей Московского Художественного театра Михаил Тарханов, художественным руководителем своего ансамбля Берия назначил брата знаменитого композитора — Зиновия Дунаевского. Музыка для ансамбля НКВД пришлось сочинять и Дмитрию Шостаковичу.

Кто откажет сталинскому наркому?

В угоду Папе Малому и Папе Большому в программу ансамбля были включены грузинские танцы. Их ставили специально приглашенные из Тбилиси хореографы. Как бы там ни было, ансамбль, столь мощно укомплектованный, оказался сильным творческим коллективом. Из него вышла целая плеяда замечательных деятелей культуры и искусства: народные артисты СССР Юрий Силантьев, Карен Хачатурян, а также певец Иван Шмелев, киносценарист Даниил Храбровицкий...

Лаврентию Берия важно было превзойти популярный ансамбль песни и пляски Красной Армии. Да и что такое армия в сравнении с органами кары и сыска? При одном упоминании НКВД должны трепетать все — и маршалы, и наркомы. Центральный ансамбль НКВД должен соответствовать могуществу тайного ведомства!

Было еще одно обстоятельство, разжигавшее амбиции Берия. 21 декабря

1939 года Хозяину исполнялось 60 лет, и к этой всемирно-исторической дате

Берия должен выдать в Кремле праздничный концерт. Сценарий представления был уже готов, его написал Константин Финн, можно было приступать к репетициям, но Юткевич сомневался в достоинствах опуса писателя Финна: эстрада все же не его специальность. Вызванные срочно в Москву Вольпин и Эрдман взялись составить новый сценарий. Их поселили в пустовавшей квартире заместителя наркома, многокомнатной, роскошно обставленной.

Жить в Москве без прописки лишённые прав авторы боялись, пришлось органам прописать их временно, на десять дней. Между тем ноябрь подходил к концу. Начальство торопило. Вольпин с Эрдманом вынуждены были выдавать готовые куски сценария чуть ли не каждый день, и эти страницы шли сразу же в дело. От них не отходил заведующий литературной частью Иван Николаевич Добровольский, но, руководители ансамбля уже поверили в успех. Через две недели «пожарные» авторы закончили работу и отбыли в Вышний Волочек. Ничего особенного — обычная штурмовщина, свойственная не только экономике сталинской эпохи.

Начальником ансамбля Берия поставил Бориса Тимофеева, человека серого, малограмотного, настоящего служаку. Позднее ему будет присвоено звание полковника. Раньше он работал полотором, поэтому жест ноги у него перешел в руку. Когда он хотел придать своим словам особый вес, начальник махал рукой справа налево, будто пол натирал, и в заключение вырывал из носа волосок.

Репетиции ансамбля проходили в клубе НКВД, мрачном здании с цокольным этажом, облицованным черным гранитом. Интерьеры украшали бюсты Сталина, шесть мраморных портретов, исполненных придворными скульпторами в стиле поздней Римской империи.

Однажды начальник вызвал всех к себе в кабинет — он помещался на втором этаже — для очередного инструктажа. Раздался звонок, хозяин подбежал к аппарату.

— Тимофеев у телефона. Да, Лаврентий Павлович. Слушаюсь. Да. Да. Будет исполнено. Есть.

Он бережно положил трубку на место, оглядел свое войско, сел в кресло и медленно, растягивая слова, произнес:

— Ну, а теперь по-го-во-рим...

Подобные сцены повторялись несколько раз. Кто-то заметил, как будущий полковник

во время этих переговоров манипулировал рукой под столом — отключал телефон... И все же ансамблю повезло: начальник оказался человеком незлобивым, порой даже заботливым. В конце 1941 года, когда немецкие армии подошли к столице, он помог эвакуировать из Москвы семьи участников ансамбля, а когда Вольпин и Эрдман угодили на фронт, он разыскал их там и обеспечил бронью и работой.

В штате ансамбля числился комиссар, а также строевой лейтенант, которому участники подчинялись в качестве рядовых солдат.

Когда до выступления в Кремле оставалось не более недели, начальник вызвал всех к себе.

— Имеется важное задание: создать песню о железном наркоме. Задание срочное, ответственное. Чтобы тексток и мотивчик сами в ушко ложились.

Сказал и выдернул из носа волосок.

— Ну, у кого какие предложения? Все переглянулись, наступила тишина.

Внезапно поднимается писарь:

— Товарищ начальник, есть и тексток, и мотивчик.

— Ну, что ж, давай, — сказал неуверенно полковник. Шею Бучинского украшал целлулоидный воротничок, тогда носили такие — вытер тряпочкой и чистый опять. Он напрягся, шея налилась кровью, и запел:

Цветок душистых прерий,
Лаврентий Палыч Берья-а-а...

Все оцепенели. Полотер вскочил, подбежал к двери, распахнул ее, выглянул, захлопнул, вернулся на середину кабинета, опять кинулся к двери, снова распахнул, закрыл, повернулся к подчиненным и тихо так сказал:

— А ну... брысь... брысь все... отсюда!

Кабинет мгновенно опустел, люди собрались на железной винтовой лестнице. Смеяться нельзя, да и кто в такой ситуации осмелился бы улыбнуться...

Эрдман повернулся к писарю:

— Т-ты ш-што, сс-у-ма сошел, ш-што ли?..

— Ребята, вы меня извините, я с утра... взбодрился немного... У меня весь день в голове крутится: «Берия— прерия, прерия — Берия, Берия — прерия».

Подошло время генеральной репетиции. В последний момент стало известно, что программу концерта будет принимать сам Лаврентий Павлович.

Начальник приказал уложить выступление в 30 минут. Многое зависело от конференсье. В этот день в зал никого не впускали. Начальник метался по сцене, Зеня (так звали Зиновия Дунаевского, руководителя ансамбля) стоял наготове перед хором, томление дошло до предела. Начальник подозвал конференсье:

— Программу будешь вести академически. С хохмами.

— Есть!

Через минуту Тимофеев передумал:

— Будешь вести строго: вышел, объявил номер и по-солдатски четко ушел.

— Есть!

В зрительный зал вели шесть дверей — по две двери справа и слева и две — сзади, напротив сцены. Внезапно все двери распахнулись, одновременно распахнулись, появились мальчишки в одинаковых демисезонных пальто, с поднятыми воротниками, руки в карманах — и встали у дверей. Еще несколько томительных минут, и входит человек — в таком же пальто, с поднятым воротником, руки в карманах. Под кепи, надвинутым на самые брови, сверкает пенсне. Человек прошел до середины зала, сел в крайнее кресло, развалился и гаркнул: «Начинайте!»

Зеня взмахнул рукой...

Когда все кончилось, тишину взрезал тот же гортанный голос:

— В Кремль поедет песня о Вожде. Вторая поедет песня обо мне. Третий номер — грузинский танец. И последний поедет молдавский танец. Там так красиво юбки развеваются, ляжки голые видны. Хорошо поставлено. Все!

Берия поднялся и вышел. Исчезли мальчики, закрылись двери. Полотер выдержал торжественную паузу и вышел на сцену.

— Вот это стиль! Учиться надо! — И выдернул из носа волосок.

1953 год, конец июня. Москва еще не узнала об аресте Берия. Газеты молчали, но кое-кто уже пронюхал о случившемся.

В шесть часов утра бывшего писаря Центрального ансамбля НКВД разбудил телефонный звонок.

— Товарищ Бучинский?

— Да...

— Вы помните свою службу в ансамбле НКВД и тот случай, когда вы предложили полковнику песню о товарище Берия «Цветок душистых прерий»?

— Помню...

— А цветочек-то взяли и посадили...

Кроме Центрального ансамбля, в системе НКВД вскоре начали функционировать другие эстрадные коллективы. В постоянных заботах о поголовье лагерных смертников Берия не забывал о досуге охранников, вольнонаемных специалистов и уполномоченных оперчекистских отделов. По нарядам ГУЛАГа мобильные эстрадные ансамбли выезжали в отдаленные лагерные города и поселки Зоны Малой. На одном из концертов мне посчастливилось побывать в 1947 году в поселке при станции Хановой, в тридцати километрах к югу от Воркуты. В ту пору я, заключенный, пользовался пропуском бесконвойного передвижения и сумел проникнуть в зрительный зал клуба.

Концерт мне понравился, артисты ансамбля оказались на профессиональной высоте, а ведущие доброжелательно отнеслись ко мне и разрешили записать весь концерт...

Мерецков

Аресты военных продолжались и после тридцать восьмого года. В самом начале войны был арестован генерал армии Кирилл Мерецков. На Лубянке ему инкриминировали шпионаж. Смелый военачальник, бывший командующий Ленинградским военным округом, участник гражданской войны в Испании, он с негодованием отверг клевету. Тогда его передали в руки Родоса, того самого Бориса Вениаминовича Родоса, который пытал Эйхе, Чубаря, Косарева, Мейерхольда. Следователя сталинской выучки, замучившего насмерть не один десяток именитых и неименитых «шпионов». Родос, добиваясь признания Мерецкова, сломал ему ребра. Несчастный катался по полу, криком заглушая невыносимую боль... Обо всем этом маршал Мерецков поведал суду в 1956 году на процессе по делу Родоса. Следователь был приговорен к высшей мере наказания. Его жертвы посмертно реабилитированы.

Справедливость восторжествовала...

Восторжествовала?..

Год 1953-й. После смерти Сталина Берия пытался выставить себя таким поборником справедливости. Он рассказал Хрущеву, как ему удалось спасти Мерецкова. Берия пришел к генсеку и напомнил ему о судьбе опытного военачальника. Идет война, Мерецков нужен на фронте. Сталин поручил Лаврентию Павловичу переговорить с узником. Примечательный диалог в кабинете

Берия.

— Вы же честный человек, зачем вы оговорили себя? Нет, вы не английский шпион.

— Мне нечего вам добавить, у вас имеются мои письменные показания.

— Идите в камеру, отоспитесь. И подумайте. Вы не шпион.

На следующий день:
 — Ну как, все обдумали?
 Мерецков заплакал.
 — Я русский, я люблю свою Родину.

Берия выпустил Мерецкова из тюрьмы, ему сразу же вернули генеральское звание. Но этот сорокалетний молодой генерал, по свидетельству Хрущева, был едва в силах ходить. А Берия пытался внушить Никите Сергеевичу, что гибели Мерецкова добивался не кто иной, как кровожадный Абакумов. Он был тогда зам. наркома госбезопасности, а сам Берия — заместителем Председателя СНК и наркомом внутренних дел. Следует сообщить, что вплоть до своего ареста Берия, занимая пост заместителя Председателя СНК, а с марта 1946 года — Совмина, курировал, помимо прочего, родные ему органы безопасности.

Лагеря. Голод

Для лагерного населения война сопровождалась усилением репрессий.

Оперчекисты спешили доказать свою незаменимость и создавали уголовные дела по любому поводу.

Обращаясь к истории репрессий военной поры, будем помнить, что суровые кары доставались не одним «политическим». Десять лет прошло со дня выхода в свет закона о хищении социалистической собственности от 7 августа 1932 года.

Обычное наказание — смертная казнь или 10 лет. И — никакой надежды на пересмотр дела или помилование. В сентябре 1942 года в Куйбышеве судили пятерых работников нефтебазы. Дали им за безлимитный отпуск керосина организациям (райисполкому, детскому саду и своим сотрудникам) по 10 лет каждому. Такой же срок получили директор одного сибирского лесозавода и его помощники.

Сурово карали органы юстиции по этому закону за махинации с продуктовыми талонами. К расстрелу приговорили в сорок третьем году контролера учетного бюро Наркомата торговли Каракалпакской АССР Миерхан Уфаеву. Мужа призвали в армию, осталось двое детей, один ребенок родился в тюрьме... Вместе с ней казнили экспедитора А. И. Пака, еще двоим дали по 10 лет.

В том же году в Еврейской автономной области судили работников «Золотопродснаба» — «за расхищение хлеба». Дали им тоже по 10 лет и в виде исключения двоим — по 5.

Чего проще, вместо энергичных забот о пропитании населения в тылу карать за малейшую попытку добыть кусок хлеба для осиротевших детей и престарелых родителей. Именно тогда, в пору изнурительного голода, 22 января 1943 года, ГКО издал директиву, ужесточившую карательную политику. Теперь под подозрение брали все: продуктовые посылки родным, обмен личной одежды на хлеб, сахар или спички, покупку в запас муки или мыла...

В Ярославле четырех женщин приговорили за кражу продуктов к 5 годам каждую. У одной муж погиб еще на финской войне в 1939 году, у всех оставались дети. У осужденной Д. В. Боридулиной их было пять — от 8 месяцев до 13 лет.

И еще одно дело, одно из сотен тысяч схожих. На Полтавщине вдова погибшего на фронте солдата вместе с соседками принесла с заброшенного колхозного поля полмешка мерзлого буряка. Дали троим женщинам по 2 года тюрьмы.

Не обходили стороной каратели организаторов сельского производства, в которых страна испытывала особую нужду. В одном колхозе на Тамбовщине недосчитались нескольких голов скота и 35 кур. Дали председателю правления Ф. А. Ерохину 5 лет да заведующей фермой столько же. У нее на фронте был муж, у него — сын...

Множество граждан было осуждено в годы войны за спекуляцию по статье 107 УК РСФСР. Из бесед с заключенными в лагерях под Москвой, на юге, на Волге, на Печоре и в Воркуте мне запомнилась масса невинно пострадавших. Позднее, читая решения судебных

инстанций, я окончательно убедился в том, что то не случаи, а целая кампания фальсификаций уголовных дел. Кому-то нужно было утвердиться на теплых судебных местах в тылу, кому-то — пополнить запроволочный контингент рабсилы. Началось это в первые же военные месяцы. 11 августа 1941 года народный суд Куйбышевского района Омска приговорил М. Ф. Рогожина к пяти годам лагерей за создание запасов продовольствия. Нашли у него мешок муки, несколько килограммов масла. И меда...

В Киргизии после пятидневного процесса осудили на большие сроки 9 человек. Они продавали собственные носильные вещи и приобретали продукты.

В марте 1942 года народный суд Чернышевского района Читинской области приговорил двух женщин к пяти годам тюрьмы каждую по статье 107 УК. Они меняли на рынке табак на хлеб.

Такое творилось повсюду. Арестовывать, судить, отправлять в тюрьму, в лагерь — это же так просто. Куда сложнее снабдить продовольствием. Сколько лет твердили о готовности к войне, а когда она грянула, запасы истощились в первые же месяцы. Скучно питалась армия, голод сковал тыл. Надо ли называть виновников?

Грузины в ссылке

Летом 1952 года в Туруханском крае тянули свой арестантский век два старых грузина, из тех меньшевиков, которых изолировали от чистых граждан еще в начале двадцатых годов. Гиви Арахамия заведовал колхозным ларьком, Ваню Майсурадзе работал в бухгалтерии. Оба отсидели с малыми перерывами по 26 лет, в сорок восьмом получили бессрочную ссылку.

— Давай напишем Сталину, — сказал однажды Гиви.

— Что же ты хочешь написать?

— Напомню ему о совместной подпольной работе при царе и...

— А стоит ли? — встревожился Ваню.

— Действительно, не стоит...

— А если мы все-таки напишем, кому попадет наше письмо, как ты думаешь?

— Сталину, конечно, — ответил Гиви.

— Нет, оно попадет Лаврентию Берия. Он сам доложит его генсеку. И Сталин спросит: «А кто они такие, Арахамия и Майсурадзе?» Тогда Берия скажет, что нас первый раз посадили в двадцать третьем, потом в двадцать девятом, еще потом в тридцать седьмом, потом... «А что, они до сих пор не подошли?» — спросит Сталин. Он даже крикнет, он очень обидится. И тогда Берия нас прихлопнет, как мух на базаре.

— Знаешь, кацо, не будем ничего писать.

Клан против клана

Всякий клан предполагает наличие родственных связей. Их не было ни в лагере Берия — Маленкова, ни в группе Жданова. Каждый клан действовал на здоровой основе бандитского братства, когда сообщников объединяют единая цель и общая опасность гибели от руки конкурента.

В годы 1934-1939, когда Сталин перебил почти все старые партийные кадры, Маленков возглавлял отдел кадров ЦК. В шайке сталинских головорезов он был одним из самых заслуженных. Маленков такой же палач, как Генрих Ягода, Николай Ежов, Лаврентий Берия, Матвей Шкирятов, Андрей Вышинский. Вглядываясь в зигзаги его политической карьеры, будем помнить об этом основном его качестве. Партийный функционер и уголовник — столь гармонично развитая личность могла сложиться лишь в сталинском аппарате.

Соперничество Маленкова и Жданова у кресла Предводителя — разве не соперничество двух преступников? Дружба Маленкова с Берия — разве не на ниве кровавых деяний взросла?

В марте 1946 года новый член Политбюро Маленков занял видное место в секретариате

ЦК. Свою карьеру он начинал в личной канцелярии генсека, там поднаторел в искусстве партийной интриги. Теперь Маленков мог смело тягаться со Ждановым, хотя позиции Андрея Александровича современникам представлялись более прочными: его сын Юрий был женат на единственной дочери Вождя.

Сталинский сват опирался на верных и сильных помощников, но они все вместе не стоили одного Лаврентия Берия. И все же Жданов принял вызов. Опытный функционер, он начал плести сети вокруг Маленкова почти сразу же по окончании Отечественной войны. Характер Вождя он успел изучить досконально, знал, как и когда подавать ему компрометирующие Маленкова материалы.

Уловив неприязнь Сталина к маршалу Жукову, которому молва приписывала главную заслугу в победе над гитлеровской Германией, Жданов при случае напомнил Хозяину, что не кто иной, как Маленков, выдвигал этого полководца на первый план. Жданов пустил по свету анекдот о смешном суеверии маршала.

Анекдот дошел до ушей генералиссимуса, и, как вспоминал Хрущев, Сталин после войны начал говорить всякую чепуху о Жукове:

— Вы хвалили Жукова, а он этого не заслуживает. Говорят, что перед каждой операцией Жуков брал в руки землю, нюхал ее и говорил: «Мы можем начинать выступление». Или же наоборот: «Задуманная операция не может быть проведена».

И еще одна ждановская провокация. В решении Пленума ЦК снятие Жукова с поста заместителя Сталина по Министерству обороны мотивировано тем, что маршал якобы игнорировал партийное руководство в армии, и в частности роль политуправления. Это обвинение было сформулировано Ждановым, который сумел, преодолевая сопротивление Жукова, поставить руководителем Главного политуправления вооруженных сил своего человека, генерала Иосифа Щикина.

Бывший помощник Жданова организовал кампанию избияния отличившихся на войне командиров и комиссаров. Так Жданов еще раз потрафил Хозяину, которому эта пресная жизнь, без арестов и расстрелов становилась уже в тягость... Здесь сошлись — бывает и такое — также интересы враждующих сторон — Жданова и Берия. Помощники Лаврентия Павловича охотно выполнили новую истребительную директиву.

Жданов никак не хотел расставаться с положением кронпринца, поэтому, составляя план устранения Маленкова, он усиленно раздувал все его промахи — действительные и мнимые. Будучи главой Комитета по восстановлению освобожденных территорий, Маленков, видите ли, поощрял индивидуальное строительство жилых домов. Во внешней политике он не препятствовал союзу коммунистов с националистами в странах Восточной Европы. Жданов пустил в дело показания разведчика Гудзенко, перешедшего на Запад. Тот объявил на весь мир, что советский план проникновения в атомные тайны США курирует не кто иной, как секретарь ЦК Маленков. Осада крепости кончилась победой Жданова в мае сорок шестого года.

Сталин отправил Маленкова в Среднюю Азию. Вместе с ним горечь поражения испытали все члены некогда могущественного клана. Овладев секретариатом ЦК, Жданов сместил всех сторонников Маленкова — в Москве и на местах. И вот тут он совершил роковую ошибку. Полагая, что позиции Берия после изгнания Егора (так товарищ Лаврентий называл Георгия Маленкова) подорваны, Жданов подсказал Сталину решение поручить его помощнику, в ранге секретаря ЦК, курировать органы государственной безопасности и вооруженные силы страны.

Началась очередная чистка КГБ и МВД — впервые без участия Берия. Люди из клана Жданова заняли ключевые посты: Николай Вознесенский стал заместителем Председателя Совета Министров СССР, Михаил Родионов — Председателем Совмина РСФСР.

Все это происходило не только с ведома Сталина, но и по прямому его наущению. Поддерживая ныне ждановцев, кремлевский стрелок бил сразу по двум зайцам — по группе старых членов Политбюро и по Берия. В роли загонщика генсек использовал самого Жданова. Только век ему вышел короткий. В 1948 году Жданов скорострительно скончался.

Не будем удивляться, если когда-нибудь станет известно, что и к этому акту Берия руку приложил.

Маленков пробыл в изгнании всего два года и был восстановлен на посту секретаря ЦК. Началась чистка партийного аппарата. Для Маленкова и Берия давно уже не существовало разницы между такими понятиями, как «чистка», «устранение» и «убийство». Уничтожению подлежали все члены ждановского клана — в Москве, в Ленинграде, на местах.

Через восемь лет Хрущев вспоминал: «Повышение Вознесенского и Кузнецова встревожило Берия... — ... именно Берия предложил Сталину, что он, Берия, со своими сообщниками сфабрикует против них материалы в форме заявлений и анонимных писем».

Охрана

Охрана жизни генсека стала наиважнейшим государственным делом. Ведь благополучие Вождя означало благополучие всего народа. В том раю, который учредил для себя Сталин, Берия была отведена роль Верховного Охранника.

В тридцатые годы Сталин разъезжал на легковой автомашине, изготовленной на заводе его имени, — ЗИС-101. Семь мест, усиленный кузов, пуленепробиваемое стекло. Автомобиль был почти полностью скопирован с американского «бьюика», но отличался такой громоздкостью и потреблял столько горючего, что на одной международной выставке его зачислили в класс комфортабельных грузовиков.

Послевоенную модель (1949) ЗИС-110 скопировали с американского «паккарда». На этот раз кузов изготовили из бронированной стали. Толщина двойных дверей достигала 30-40 миллиметров, пуленепробиваемых стекол — 10, причем каждое стекло открывалось своим гидравлическим домкратом, вмонтированным внутрь дверцы, весившей 3 центнера. Двойное дно, двойной потолок и особо усиленная задняя стенка. Общий вес стального чудища достигал 10 тонн.

Таких машин на заводе имени Сталина выпустили 30. Они не должны были ничем отличаться от серийных ЗИС-110 числом 2800. Все внешние атрибуты и параметры до миллиметра совпадали с серийными. Сложная конфигурация ставила перед инженерами очень трудные задачи, но все горели желанием справиться с почетным заказом Вождя на «отлично». Пришлось только уменьшить число мест до шести: сзади осталось два (в серийных три), еще два откидных и два впереди (одно из них для шофера).

В довоенную пору Сталин занимал место на заднем сиденье, меж двух дюжих охранников. Они прикрывали Хозяина своими телами сзади, сомкнув плечи.

Позднее генсек занимал одно из откидных сидений, имея за спиной двух охранников на заднем сиденье. Сталин имел обыкновение менять маршрут поездки перед самым выездом из Кремля. На некоторых улицах было установлено постоянное дежурство специально подготовленных охранников. На чердаках, на верхних этажах арбатских домов сидели снайперы, готовые поразить всякую подозрительную цель. Каждый квадратный метр старого Арбата был пристрелян сверху световыми лучами.

Сталинские автомобили, эти мирные броневики, испытывали боевыми пулеметами. Потом кузов реставрировали, заделывали вмятины. После этого бесстрашный генсек мог пользоваться своей машиной. Все тридцать ЗИСов были разбросаны по стране: два — в Ленинграде, двадцать — в Москве и на загородных дачах, остальные — в Крыму, на Северном Кавказе, в Сочи и в Закавказье.

В 1963 году одну сочинскую машину пытались разбить, но отступили: тяжелая кувалда отскакивала от стенки кузова, не оставляя на нем следов. Двадцать лет спустя весь автомобильный парк усопшего диктатора свезли в Кремль, на склад. Потом отправили машины на завод имени Лихачева и переплавили.

Одну надо было оставить. Для истории. Я верю: придет время, откроется музей сталинского террора.

Судьба личного железнодорожного вагона генсека оказалась счастливее. Он сохранился до наших дней.

Для поездок генсека в Боржоми и Бакуриани на станции держали специальный вагон. Длина его несколько уступала современному купированному вагону (21,6 против 23,0 метров), зато оборонной мощью и оборудованием он мог поразить воображение самого прихотливого охранника. Одетый в толстую броню, стальной монстр весил 83 тонны. Шесть пар колес, снабженных уникальными рессорами, держали его на рельсах. Представление о внутренней планировке дает схема. Для удобства примем за единицу площади одно купе. Итак, первое купе — кухня. Рядом помещение для охраны. В третьем — спальня. Два следующих — кабинет. Во второй половине (шесть купе) — зал заседаний. Интерьеры отделаны дубовыми и ореховыми панелями с инкрустациями в старокупеческом стиле. Зеркальное стекло, никель, бронза, позолота. В зале висели три хрустальные люстры. Тесно, конечно, зато шик какой.

Вождь пользовался своим чудо-вагоном не чаще одного раза в три года.

Пристрастие к бронированным вагонам он проявил еще на заре Советской власти, в 1918 году. Всего один раз выехал Великий Полководец на Царицынский фронт. В бронепоезде. В единственном бронепоезде, снятом срочно для этой цели с позиций.

Уже тогда Сталин относился к своей персоне, как к государственной ценности. С годами животный страх Любимца Партии и Народа возрос неимоверно, и Берия научился виртуозно играть на этой струне.

После войны, когда генсек, теперь уже генералиссимус, возобновил поездки на юг, Берия отряжал на его охрану целые армии. Из Москвы в Сочи отходили почти одновременно и вне расписания три поезда. Попробуй угадай, в каком едет венценосный Герой. Вдоль всей трассы дежурили тысячи сотрудников милиции и агентов госбезопасности. Они брали под свой контроль службу движения — от диспетчеров до дежурных по станции. Из всех вокзалов, с прилегающей территории убирали пассажиров. Засекретив движение поездов, Берия подвергал опасности жизни путейцев и ремонтных мастеров. И они погибали, не ведая о подходе скоростных составов.

В сентябре 1947 года Сталин избрал местом отдыха дачу на Холодной речке. Немедленно во всех санаториях и домах отдыха от Сочи до Сухуми разместили десятки тысяч бериевских агентов. Они заняли добрую половину мест. Оставшихся больных и отдыхающих подвергли строжайшей проверке. Все милицейские посты заняли московские сержанты и офицеры, включая службу ГАИ.

Повсюду шныряли агенты в штатском. Территорию сталинской дачи охранял особый полк войск МВД. Берия лично инспектировал эту грандиозную систему.

Но вот Сталин выехал домой (самолетам он свою жизнь старался не доверять), и в тот же день на станцию Адлер подали шесть железнодорожных составов, потом еще шесть. Специальные самолеты пошли на Москву. Армия профессиональных бездельников — сановных и рядовых — возвращалась в столицу.

Свое пятидесятилетие Берия встретил на вершине политической карьеры. Он стал членом бессмертного Политбюро, ближайшим соратником Вождя. От главного конкурента, Андрея Жданова, осталась лишь табличка в Кремлевской стене, остальные подручные слабы духом и разобщены. В день рождения, 29 марта 1949 года, Михаил Иванович Калинин вручил заместителю Председателя Совета Министров Берия орден Ленина — принимая во внимание его выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и советским народом. «Известия» поместили большой портрет юбиляра... Лоб мыслителя, ясность во взоре, которую не могут притушить стекла пенсне. Мягкие полнокровные губы, четко очерченный подбородок, строгий костюм с черным галстуком — таков скромный облик государственного мужа.

"Товарищу Берия Лаврентию Павловичу. Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) и Совет Министров СССР горячо приветствуют Вас, верного ученика Ленина, соратника товарища Сталина,

выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, в день Вашего пятидесятилетия.

Вся Ваша сознательная жизнь посвящена революционной борьбе за дело рабочего класса, за победу коммунизма.

Верный сын советского народа, Вы всей своей жизнью и деятельностью показываете вдохновляющий пример служения его интересам, с честью выполняя задачи, которые ставила перед Вами Коммунистическая партия. В годы Великой Отечественной войны Вы выполняли ответственные поручения партии, как по руководству социалистическим хозяйством, так и на фронте, и с присущей Вам кипучей большевистской энергией и мужеством ковали победу над врагом.

Желаем Вам, наш боевой друг и товарищ, наш дорогой Лаврентий Павлович, многих лет здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо нашей великой социалистической Родины, на благо советского народа".

***Центральный Комитет Совет Министров
ВКП (б) СССР***

Юбилей Берия был шумно отмечен всей страной. Поздравления стекались в Москву из Закавказья, с Северного Кавказа, с Украины и Дальнего Востока...

На родине Берия, в селе Мерхеули, побывали корреспонденты «Зари Востока» и «Советской Абхазии». Но, странное дело, ни один земляк соратника Сталина не сообщил журналистам никаких подробностей из жизни Лаврентия Берия. Помянули недобрым словом царизм, поговорили о значительных переменах в жизни села, показали школу, осененную именем юбиляра, и монумент дорогого Лаврентия Павловича.

«Советская Абхазия» опубликовала песню Киазима Агумаа о родном человеке с «глубоким и бесстрашным разумом».

... О Берия поют сады и нивы,
Он защитил от смерти край родной.
Чтоб голос песни, звонкий и счастливый,
Всегда звучал над солнечной страной.

Грузинский филиал Института Маркса — Энгельса — Ленина -Сталина отметил дату рождения Берия научной конференцией по его книге «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье».

Не остались в долгу живописцы. Народный художник СССР У. Джапаридзе создал монументальное полотно «Сталин, Молотов, Берия, Микоян на Черноморском побережье». Другой лауреат Сталинской премии, Дмитрий Налбандян написал картину «Для счастья народа»: члены Политбюро — в их числе Берия — задумались... Уж не над тем ли, как сделать народ еще счастливей?

Живописцы, графики, скульпторы тиражируют портреты Берия и после юбилейного года. А Лаврентий Павлович, дабы не возбуждать неудовольствия

Хозяина, уже в 1950 году публикует сборник «Великий вдохновитель и организатор побед коммунизма». О Сталине, о нем, радетеле.

Устранение Вождя

Кремль. Здесь находились рабочий кабинет Сталина, зал заседаний Политбюро и его квартира. Система безопасности Кремля была тщательно продумана и отлажена еще до войны, в годы большого террора. История не знает ни одного случая покушения на жизнь генсека и его подручных на территории Кремля. Не доверяя Берия, Сталин назначил на ответственный пост коменданта Кремля генерал-майора Петра Косынкина — из состава своей охраны, подчиненной ему лично.

Кабинетом Сталина, а значит, и подступами к нему ведал Александр Поскребышев. На

первый взгляд его можно было принять за обыкновенного работника центрального аппарата, пусть опытного и авторитетного. Или за цербера, чей животный нюх позволял ему безошибочно отличать нужных соратников от ненужных, восходящих от обреченных. Поскребышев возглавлял личную канцелярию генсека и особый сектор. Эти полуофициальные конторы, Уставом партии не предусмотренные, функционировали уже не одно десятилетие при ЦК, точнее — над ним. И — что имело особое тогда значение — над тайной службой. Ни Ежову, ни Ягоде, ни Берия они не были подвластны.

В системе личной безопасности Сталина особый сектор занимал ключевую позицию. Он назначал и контролировал комендатуру и обслуживающий персонал Кремля — от высших офицеров до сотрудников музеев и поваров. Окруженные людьми особого сектора, члены Политбюро жили в своих покрытых сусальным золотом клетках подобно закормленным кроликам в сарае доброго хозяина. А генсек обезопасил себя дважды — от возможных покушений отчаявшихся партийцев и от сотрудников государственной службы безопасности.

Так было заведено еще в начале тридцатых, на взлете горийского хулигана к бессмертию.

Сам кремлевский кабинет генсека находился под бдительной охраной постоянно дежуривших у двери агентов. В их проходную комнату посетитель попадал через приемную, где стояли столы Поскребышева и чуть в стороне — его заместителя. Обыску подвергали всех, не исключая самых заслуженно-верноподданных — Молотова, Ворошилова, Микояна. Достижения техники тоже использовались: в годы войны диван в приемной был оборудован специальным электронным устройством.

Некоторые зарубежные историки украсили биографию Александра Поскребышева нереальными фактами. Будто бы он был в числе подписавших смертный приговор Николаю Второму 16 июля 1918 года, потом возглавлял ревкомы в Златоусте и Уфе... Поскребышев служил рядовым фельдшером на горнорудном заводе, в большевистскую партию вступил в 1917 году двадцатишестилетним. С конца 1922 года он становится помощником Товстухи, заведующего канцелярией генерального секретаря. После смерти Товстухи, с августа 1935 года, занял его пост. Три десятилетия длилась почетная вахта Александра Поскребышева в предбаннике Вождя.

Охрана квартиры генсека, расположенной рядом со служебным зданием, не представляла трудностей. Но Сталин часто бывал, особенно в последнее время, на своей даче в Кунцево, в нескольких километрах от Москвы. Кстати, она была расположена близ деревни Давыдково. Опасаясь злоумышленников, Вождь решил приписать ее к другой деревне, Кунцево. Эту дачу называли еще Ближней, в отличие от Зубалова. Комендантом Ближней был Николай Власик. Он фактически возглавлял личную охрану генсека. Власик щеголял в мундире генерал-лейтенанта и позволял себе поучать ответственных лиц, вплоть до министров. Сталин заметил этого преданного, исполнительного солдата в дни обороны Царицына, в 1919 году. Характеризуя Николая Сидоровича Власика как глупого и вельможного солдафона, Светлана Аллилуева сообщает о том, что отец вверил ему управление отрядами охраны всех своих дач под Москвой и на юге.

Отца Власика звали Сидором. Это почему-то смущало генерала, и подчиненные стали называть его почтительно Николаем Сергеевичем.

Ближние и дальние подступы кунцевской резиденции Сталина находились под круглосуточным наблюдением сотен вооруженных агентов, готовых в любой момент отразить налет отряда лихих кавалеристов, усиленного ротой пулеметчиков.

Такое могло случиться только в сказке, но в то сказочное время никто ничему не удивлялся. И высокие заборы с массивными воротами, и скрытая кустами колючая проволока под электрическим током, и тройная проверка документов, и сложный порядок представления посетителей Хозяину — все казалось необходимым, естественным.

Попав на территорию дачи, автомашина совершала крутую петлю вокруг деревьев, скрывавших фасад здания. Кошачьей натуре генсека претили прямые ходы, и это тоже

воспринималось как должное.

Но было одно обстоятельство, существенно отличавшее Кунцево от Кремля: подбор и назначение охранников и обслуживающего персонала дачи осуществлял не кто иной, как Берия. Сталин иногда капризничал: то ему надоела грузинская обслуга, то ему не нравились русские садовники.

Но Берия сумел сохранить свои командные позиции и в последней игре пустит этот козырь в ход.

Тревожно сложились последние годы Властелина, в постоянном ожидании удара. Он знал, кто отравил в 1936 году Нестора Лакобу. И кто отправил в иной мир бывшего советника Мао Цзэдуна Петра Владимировича.

За Лаврентием Павловичем числились и другие химические опыты, да и сам Сталин не ограничивал себя в выборе средств. Вспомним устранение Владимира Михайловича Бехтерева в 1927 году.

По свидетельству Светланы Аллилуевой, все продукты питания — мясо, рыба, овощи, фрукты, хлеб, вино — подвергались лабораторному исследованию и поступали на кухню — каждый пакет в сопровождении акта, заверенного подписью токсиколога и круглой печатью.

Никита Хрущев вспоминает, с какой опаской генсек относился ко всему поданному на стол. Пытаясь сохранить достоинство, Сталин намекал на понравившееся ему блюдо, и тогда кто-нибудь, отведав просимого, предлагал ему.

В той среде бытовал еще один способ уничтожения ближнего — аэрозоли. «Иногда, — пишет Аллилуева, — доктор Дьяков появлялся у нас на квартире. В Кремле со своими пробирками и брал пробу воздуха из всех комнат».

Медицинский персонал, стоявший на страже здоровья Вождя, подбирали прежде всего по признаку безусловной преданности. Лейб-медики Сталина и членов Политбюро находились под неусыпным надзором Берия, так что вельможные пациенты могли чувствовать себя в двойной безопасности.

Лечебно-санитарное управление Кремля (позднее — IV Главное управление при Министерстве здравоохранения) располагало сетью поликлиник, аптек, больниц, санаториев для работников высшей номенклатуры, но и в этой закрытой системе для генсека и малых вождей были созданы особые условия.

Попробуем теперь представить себе графически облик сталинской крепости.

По углам ее — четыре мощные сторожевые башни: личная охрана (Власик), личная канцелярия и Особый сектор (Поскребышев), комендатура Кремля (Косынкин) и лейб-медики.

Генерал Власик имел обыкновение под утро, после очередной ночной попойки, обходить все помещения кунцевской дачи: нет ли какого беспорядка, не забыл ли кто из вождей что-либо... Так было и этой декабрьской ночью. Но вот у двери последней комнаты он заметил на полу вдвое сложенную бумагу с грифом Совета Министров, поднял ее, положил в карман. Потом, в тюрьме, он будет клятвенно уверять, что даже не читал текст, что хотел утром вручить ее Вождю, что товарищ Сталин знает его более тридцати лет... Однако дело было представлено Хозяину в таком виде, что он сам приказал не щадить изменника.

Вслед за Власиком впал в немилость Александр Поскребышев, тот самый генерал Поскребышев, которого Сталин иронически называл «Главным». Для тех, кто общался с генсеком, он действительно был главным после него, ибо только Александр Николаевич в любое время дня знал, в каком расположении духа изволит пребывать Вождь, кому он мирволит и кого собирается спустить с Олимпа.

Берия не утруждал себя разработкой новых видов провокаций. Начальник личной канцелярии генсека тоже оказался виновен в утечке сверхсекретной информации.

Третья башня рухнула 15 февраля 1953 года. В тот день внезапно скончался генерал Петр Косынкин. О безвременном уходе коменданта Кремля на другой день сообщила «Красная Звезда». Здоровьяку генералу едва исполнилось пятьдесят лет, но инфаркт настигает

и более молодых. Оставалась последняя опора Сталина — медики. Но большая группа кремлевских врачей, включая его лейб-доктора Виноградова, уже три месяца томится в тюрьме. Врачи успели чистосердечно признаться в террористических замыслах и шпионской деятельности.

Дезориентированный последними событиями, Вождь натренированным нюхом почуял смертельную опасность и решил вовсе отказаться от врачебной помощи.

Кого ему прикомандируют на этот раз? Кто будет контролировать действия новых врачей? Органы безопасности поспешили арестовать вместе с врачами-вредителями начальника Лечсанупра Кремля Егорова, министра здравоохранения СССР Смирнова заменили новым человеком — Третьяковым.

Это свершилось помимо воли генсека. Сталин утратил твердость руки. И точность дальних расчетов. Многоопытный дворцовый интриган внезапно удаляет от себя таких абсолютно преданных помощников, как Молотов, Ворошилов, Каганович, и широко открывает двери своего дома Берия и Маленкову. Знает им истинную цену, догадывается о намерениях этой нечистой пары, и все же... И все же впускает их внутрь крепости. Он надеется на то, что Хрущев с Булганиным сыграют роль противовеса, некоего сдерживающего начала. Как в старое доброе время, он жаждет крови. Он по-прежнему уверен в себе, но события уже вышли из-под его контроля. Его верные многолетние помощники Власик и Поскребышев удалены от дел.

Берия ожидает команды Хозяина. Ему не терпится свести счеты с его многолетними подручными — Поскребышевым и Власиком. Но Сталин сохранил жизнь обоим. В этой игре «казнить — миловать» Сталин верховодил сам. Здесь он никакой самодеятельности не терпел.

Меж тем четверка продолжала исправно посещать диктатора на даче.

Глубоко ошибаются те, кто полагает, что все четверо представляли группу единомышленников. Уже вначале они разбились на пары, но самый отработанный тандем Берия — Маленков в действительности не был тандемом.

Профессиональный полицейский не мог делиться своими тайными планами с партфункционером. Что до этого простака Никиты и благообразного статиста Булганина, то кто ж принимал их всерьез? Боялись они Лаврентия Павловича до дрожи в печенках. И Маленков, которому генсек доверил ведение партийно-организационных дел, имел все основания опасаться такого напористого и властного партнера, Берия и не таких под себя подминал.

Его главенство в последней при жизни Сталина четверке соратников было бесспорным. Как ни старался генсек изолировать товарища Лаврентия от органов, он продолжал негласно командовать аппаратом насилия. Ни один член

Политбюро не чувствовал себя в безопасности при нем. Надо также отдать должное незаурядной натуре Лаврентия Павловича. В той аморфной среде он резко выделялся волей к действию и решительным характером. Помноженные на отшлифованное временем коварство, эти черты сделали его безусловным лидером в канун исторической весны 1953 года.

В воспоминаниях Никиты Хрущева, иногда противоречивых, несуразных даже, встречаются свидетельства очевидца и участника событий, рисующие вполне достоверную картину. Его отношение к Берия было сложным, но одно он уловил сразу: шеф тайной службы, став фаворитом Сталина, приобрел огромную власть.

И способен на все. Вот характерное признание Хрущева:

"Я был более откровенен с Булганиным, чем с другими...

— Ты знаешь, какая ситуация сложится, если Сталин умрет? Ты знаешь, какой пост захочет занять Берия?

— Какой?

— Он хочет стать министром госбезопасности. Если он им станет, то это начало конца для всех нас... Что бы ни случилось, мы абсолютно не должны

допустить этого.

Булганин сказал, что согласен со мною, и мы начали обсуждать, что мы отныне должны делать. Я сказал, что поговорю обо всем этом с Маленковым".

Четверка была лишь осколком бессмертного Политбюро. Члены его жили в постоянном ожидании подвоха со стороны коллег, удар мог последовать и сверху.

Пустым такое существование не назовешь.

В этой обстановке выживали лишь самые покорные и осторожные блюдолизы.

От нашей же четверки потребовалось нечто иное — мужество. Ибо настала пора действовать.

Как же совершился переворот? Сохранился рассказ Хрущева в передаче Аверелла Гарримана, бывшего посла США в Советском Союзе. Это первое по времени свидетельство Гарриман опубликовал в 1959 году. В рассказе отсутствует главное — сведения о странных обстоятельствах смерти Сталина.

Однако здесь Хрущев сообщает некоторые подробности, опущенные в более поздних воспоминаниях.

«Он никому не верил, и никто из нас ему тоже не верил». Далее следует описание весело проведенного в обществе Вождя субботнего вечера. Поутру все четверо — Хрущев, Берия, Булганин, Маленков — разъехались. По воскресеньям Сталин обычно звонил им, обсуждал с четверкой предстоящие дела, но на этот раз он остался на даче и никого не вызвал. Лишь в понедельник вечером начальник охраны на даче сообщил, что Сталин болен. Четверка немедленно отправилась в Кунцево. Они застали генсека в тяжелом состоянии. «Мы находились с ним три дня, но сознание к нему не возвращалось».

В своих воспоминаниях Хрущев не отходит от этой версии, он только приводит другие детали.

Четверо фаворитов провели вечер 28 февраля за обеденным столом на сталинской даче. Хозяин изрядно выпил, он был в хорошем настроении, и соратники уехали от него поздней ночью, вернее, ранним утром 1 марта.

Вечером 1 марта произошел удар, Сталин потерял сознание, упал с кровати, лишился дара речи. Охрана вызвала четверых приближенных, но они не задержались на даче и не позаботились о врачебной помощи.

Это начало цепи фактов-улик.

В первом же правительственном сообщении, опубликованном в «Правде» 4 марта, говорится о «временном уходе» товарища Сталина от работы в связи с болезнью. И еще сказано, что удар случился у него якобы в ночь на 2 марта и не на даче, а в Москве. Одно место особо примечательно:

«Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи».

Последовательность этих события нереальна: констатировать явление паралича и утраты речи можно лишь до потери сознания. Оставив умирающего без врачебной помощи, авторы правительственного сообщения отказались от помощи специалистов и при составлении текста.

Не много ли лжи для небольшой публикации «Правды»?

Врачи были вызваны к потерявшему сознание Сталину лишь 2 марта с большим, может быть, роковым опозданием.

Предоставим слово майору в отставке А. Т. Рыбину, служившему в охране Вождя. "Звонит Берия: «О болезни Сталина никому не говорите и не звоните».

В три часа ночи 2 марта подошла к даче машина. Все думали: наконец-то прибыли медики. Ничего подобного. Оказалось, что приехали Берия и Маленков.

Берия, задрав голову, прогромыхал в зал. У Маленкова скрипели ботинки. Он их снял и, держа под мышкой, вошел в носках. Встали соратники поодаль от больного, некоторое

время постояли молча. Сталин в этот момент сильно захрапел. Обращаясь к помощнику коменданта Лозгачеву, Берия сказал: «Ты что наводишь панику? Видишь, товарищ Сталин крепко спит. Не поднимай шумиху, нас не беспокоит и товарища Сталина не тревожь». Лозгачев стал доказывать, что

Сталин тяжело болен и ему нужна срочная медицинская помощь. Но соратники не стали слушать и поспешно удалились из зала.

Ночью 2 марта медицинскую помощь Сталину никто так и не оказал".

По свидетельству подполковника В. Тукова, сотрудника Сталина по особым поручениям, на даче все чаще стали раздаваться звонки врачей-доброхотов, просивших допустить их к Сталину и уверявших, что они его вылечат. Звонили даже из других стран. Один доброжелатель оказался особенно настойчивым. В конце концов к аппарату подошел Берия. Без особых предисловий он спросил настойчивого эскулапа:

«Ты кто такой? Ты провокатор или бандит?»

Врачи появились лишь утром. Вождь оставался без медицинской помощи более тринадцати часов...

Таким способом устранения неугодных пользовался не раз и сам Сталин.

Однако пора было убедить детей тирана в том, что к его спасению принимаются самые энергичные меры. «Все суетились, спасая жизнь, которую уже нельзя было спасти». Светлане Аллилуевой запомнилась картина медицинского аврала, она не заметила здесь никого из знакомых врачей, кроме одной молодой женщины.

Веская улика.

И еще одна. 7 марта, через день после смерти Вождя, «Известия» публикуют текст заключения авторитетной медицинской комиссии в обновленном составе:

"Результаты патологоанатомического исследования полностью подтвердили диагноз, поставленный профессорами-врачами, лечившими И. В. Сталина. Данные патологоанатомического исследования установили необратимый характер болезни И. В. Сталина с момента возникновения кровоизлияния в мозг.

Поэтому принятые энергичные меры лечения не могли дать положительный результат и предотвратить роковой исход".

Итак, для спасения жизни генсека с самого начала приняты все необходимые меры, неусыпный контроль ЦК обеспечил правильное лечение, исключил всякие случайности. Малейшие намеки на насильственную смерть неуместны, даже преступны.

Вот что угадывалось в подтексте.

В последнем медицинском заключении, обнародованном

7 марта, сделан акцент на «необратимый характер болезни».

8 этой связи хотелось бы знать, каково было состояние здоровья Сталина накануне гибели. В последнее время он не жаловался на недомогание, лишь сон у него был тяжелым, но об этом мало кто знал. Доктор, пользовавший Сталина несколько лет, рассказывал бывшему редактору «Известий» И. Гронскому, когда тот в 1955 году вернулся из лагеря: «Во время сна Сталин вскакивал с постели, кричал дико, кошмары буквально душили его. Не дай бог никому видеть то, что мне довелось наблюдать...»

Аллилуева упоминает о совершенных отцом жестокостях:

«... память об этом не давала ему спать спокойно». Но, вспоминает дочь, Сталин отличался крепким здоровьем, «сердце, легкие, печень были в отличном состоянии».

Посол Индии К. Менон, посетивший Сталина 17 февраля, то есть незадолго до внезапного удара, нашел диктатора в полном здравии.

Ему вторит Никита Хрущев, видевшийся с Хозяином за несколько часов до «несчастья»: «Не было никаких признаков какого-нибудь физического недомогания».

Некоторые историки склонны видеть сына Сталина в роли свидетеля, избличившего заговорщиков. Даже этот записной алкоголик почувствовал неладное. Вызванный 2 марта на кунцевскую дачу, он, как вспоминает его сестра, «разносил врачей, кричал, что отца убили...

убивают».

Хрущев утверждает, что в смерти Сталина был заинтересован только один человек — Лаврентий Берия. Это вполне согласуется с воспоминаниями Аллилуевой о последних часах жизни отца.

Берия «был возбужден до крайности... Лицо его то и дело искажалось от распиравших его страстей... Он подходил к постели больного и подолгу всматривался в его лицо — отец иногда открывал глаза... Берия глядел на него, впиваясь в эти затуманенные глаза».

Но нет, не он один ждал смерти тирана. Маленкову, Хрущеву, Булганину, всем остальным невоготу стало существование под жесткой сталинской дланью.

А Берия... Чем этот палач лучше того?

По-человечески их колебания понять можно. Только были ли они, были ли эти соратники — фавориты новые и старые — людьми?

Мы упомянули о мужестве, столь необходимом в таком рискованном деле, как устранение тирана. Можно подумать, что проявил его в полной мере только один Берия. Но ведь то было мужество отчаяния. Крыса, загнанная в угол, способна вдруг броситься на кошку... Пожалуй, все они, подручные Сталина, были убежденными трусами. Мужчин в своем хозяйстве генсек не терпел.

И все же о Маленкове, Хрущеве и Булганине нельзя сказать, что они стояли в стороне. Они не остановили злоумышленника, вместе с ним обманывали народ — относительно болезни и смерти Вождя. Но других вариантов не существовало. Предстоял дележ власти, а за спиной чудилось горячее дыхание старших соратников устраненного. Аллилуева дает нам в руки еще одну несомненную улику:

«А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор, и в тишине зала, где все стояли молча вокруг, был слышен его громкий голос, не скрывающий торжества: — Хрусталева! Машину!»

... Некогда скорбеть о кончине диктатора. Да и к чему? Некогда делить власть, ее надо брать. Берия поспешил на Лубянку и без помех овладел центральным аппаратом на правах — впервые! — полномочного хозяина.

В Тбилиси экстренно отправлен специальный поезд с отборными оперативниками. Задание — выволить из тюрем брошенных туда по приказу Сталина руководителей («Мингрельское дело»). И арестовать всех последних фаворитов генсека. Возглавить эту освободительно-карательную экспедицию Берия поручил своему испытанному помощнику Владимиру Деканозову, палачу без страха и упрека.

Новая жизнь — новые заботы. Прежде всего надо убрать лишних свидетелей. Лишними оказались, помимо некоторых врачей, все охранники кунцевской дачи. Двое, во избежание худшего, успели застрелиться. Офицеров Берия отправил в отдаленные районы страны. Обслуживающему персоналу — а там водились даже генералы — Берия приказал убираться вон. Это происходило, как с прискорбием отмечает дочь, на второй день после похорон.

«Совершенно растерянные, ничего не понимающие люди собрали вещи, книги, посуду, мебель, грузили все со слезами на грузовики, — все куда-то увозилось, на какие-то склады... Людей, прослуживших здесь по десять — пятнадцать лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу».

Да, а мебель-то, мебель зачем было вывозить? И книги. Здесь ведь можно, нет, должно музей открыть. И ходили бы к Святому Месту паломники, как ныне посещают Гори, родину Отца Народов, и то позорное место, под Кремлевской стеной, где он схоронен.

Что ж, и ходили бы. Если бы не Берия. Единственное, пусть невольное сотворенное злодеем благо. Зачтется ли оно ему?

В ходе судебного расследования, если бы оно состоялось при жизни заговорщиков,

можно было бы легко обойтись без личных признаний Лаврентия Берия и соучастников. Вполне хватило бы косвенных улик. Иосифа Сталина устранил его верный соратник. А прямые улики сгорели вместе с товарищем Лаврентием в печи Московского крематория 23 декабря 1953 года.

Конец Папы Малого

Странная ситуация сложилась на верхних ступенях власти после смерти Сталина. Хрущев к этому времени еще не был в Политбюро первым. Здесь все решали Берия с Маленковым. Прежние фавориты Сталина — Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян — не могли противостоять могущественному тандему и подкрепить позиции Никиты Хрущева. Да и не хотели. Кабинетные интриганы, многоопытные карьеристы, они никогда не доверяли друг другу, ревниво следили за каждым шагом соперника, их ничто не объединяло. Впрочем, нечто общее в них было — жажда власти и страх ее утраты.

Опираясь на партийный аппарат, на многолетнюю традицию, Хрущев мог добиться от функционеров — в центре и на местах — беспрекословного подчинения своей воле. Но он не смел. А Берия выжидал.

Весной пятьдесят третьего в Политбюро установилось некое зыбкое равновесие сил. Кто нарушит его первым?

Берия начал готовить почву для генеральной перетряски верховного органа партии. У него был верный, как он думал, помощник — Маленков, с его богатым опытом и прочными связями в центральном аппарате. Берия опирался на всеильные органы кары и сыска и мог уповать на разрозненность членов Президиума. Кто сможет ему противостоять?

В мае из Киева прибыл один из старых сослуживцев Хрущева. Он принес тревожную весть: органы госбезопасности и внутренних дел Украины получили секретный циркуляр о мобилизации всех сил и переходе на режим боевой готовности. Циркуляр был направлен из МГБ, но ведь органы курировал Лаврентий Берия, директива исходила от него.

Природа наградила Никиту Сергеевича могучим инстинктом самосохранения.

Вызвав под благовидным предлогом кое-кого из провинции, он установил, что секретный циркуляр послан не только на Украину. Сколько лет жил он, партийный секретарь Никита Хрущев, под Сталиным, дрожа и пресмыкаясь, на положении не то шута, не то лакея. Теперь вот — Берия... Но как проникнуть в его планы? И, будто сжалившись, судьба послала ему двух перебежчиков из лагеря противника. Заместитель министра госбезопасности Иван Серов и министр внутренних дел Сергей Круглов, взвесив шансы своего шефа — а весами они располагали точными, — решили выдать его с головой. Они доложили Никите Сергеевичу все, что знали о намерениях Берия, обрисовали оперативный план вооруженного путча, диспозицию частей, назвали имена заговорщиков. В уголовном мире это называется «заложить со всем бутером».

Где было знать Хрущеву, что сложись обстоятельства иначе, эти подручные Берия вместе с ним вырезали бы весь курятник. И если два генерала положили за благо изменить сегодня дорогому Лаврентию Павловичу, то они имели в виду лишь свое личное благо. Захватив абсолютную власть, что сделает с ними Берия? Верные ему выходцы с Кавказа, все эти кобуловы — деканозовы давно уже точат кинжалы...

В этих рассуждениях Серова и Круглова был свой резон. Перед Хрущевым встала альтернатива: ударить немедленно, опередив заговорщиков, или уйти в тень, отказаться от борьбы, от всего. Отдадим должное отваге Никиты Хрущева.

Он выбрал действие.

Первым делом надо было собрать в кулак членов Президиума ЦК — решить самую трудную задачу. Как он сам впоследствии рассказывал, ни один из бывших подручных Сталина не был надежным, твердым человеком. Сказывалась многолетняя школа.

Молотов — «тот еще тип» (подлинное выражение Хрущева). Маленков — близкий друг Лаврентия Берия. Ворошилов — трус и подхалим. Каганович — никогда не знаешь,

куда он повернет, к кому примкнет в последний момент, Лазарь — лицедей. Можно положиться на Булганина, но как он поведет себя в случае отказа остальных?

Хрущев знал, конечно, что служба постоянного подслушивания охватывает не только кабинеты членов ЦК и Президиума, ее щупальца проникли в квартиры, на дачи, в личные авто. Телефонные разговоры, переписка давно уже попали под неусыпный контроль.

Он начал с Николая Булганина, министра обороны. Армия — единственная сила, способная сломить дивизии охранников. С Булганиным Хрущев сошелся еще в начале тридцатых годов. Вместе терпели унижения от Берия, вместе решили держаться теперь. Разговаривали на даче, в саду. С Анастасом Микояном Хрущев выехал за город в одной машине, оставил авто на шоссе и совершил с ним ответственную прогулку вдоль лесной опушки. Микоян юлил: «Я знаю Лаврентия Павловича с 1919 года, на моих глазах он вырос в крупного партийного работника, нельзя же вот так вдруг убирать заслуженного деятеля... Пусть ему укажут на ошибки... Он учтет товарищескую критику...» Пришлось Хрущеву говорить с Микояном еще раз, когда почти все уже примкнули к нему.

Переговоры с Молотовым прошли, против ожидания, гладко. За несколько дней до поездки с Хрущевым за город служба безопасности, не уведомив Вячеслава Михайловича, сменила его личную охрану. Молотов давно с тревогой и подозрением присматривался к этой нечистой паре, Маленкову — Берия. Они отгеснили его на второй, нет, на самый задний план и теперь готовят нечто худшее. Он был непоколебимо туп, многолетний сподвижник Сталина, но инстинктом самосохранения природа его тоже не обделила. Обещав свою безусловную поддержку Хрущеву, Молотов предполагал, что тот одним ударом покончит и с Берия, и с Маленковым. Но Никита Сергеевич надеялся разорвать прочный тандем. Да и так ли уж прочен он был? Разве Маленкову наравне со всеми не грозила скорая расправа?

Хрущев опасался решительного разговора с Маленковым: вдруг выдаст с головой? Но лишь только он приступил к этому щекотливому делу, как Маленков сразу согласился встать на сторону большинства. В тот же день Хрущев предложил ему прощупать Ворошилова. Сам он не мог надеяться на успех.

Маленков отправился на Воздвиженку. Председатель Президиума Верховного Совета не ожидал такого поворота событий:

— Что вы мне предлагаете? Лаврентий Павлович замечательный ленинец! Я всегда уважал Лаврентия Павловича, и никто меня не переубедит!

— Да не вопи ты ради бога, — остановил его Маленков. — Здесь никого нет, кроме нас с тобой. Ты же ничего не знаешь, с нами все члены Президиума. Если мы не примем экстренных мер, он передует нас поодиночке, неужели не понятно?..

Ворошилов сразу сник.

— Да, я давно опасаюсь этого человека. Он способен на все. Надо действовать. Считайте, что я с вами — так и скажи Никите Сергеевичу.

И вот единство достигнуто. Булганин с Жуковым приступили к мобилизации сил. Но как создать мощную боевую группу войск на подступах к Москве и в самой столице скрытно от агентов Берия? Бывший начальник Генерального штаба генерал армии Штеменко и генерал Артемьев, командующий войсками МВО, — его ставленники. Артемьев ранее командовал дивизией внутренних войск МВД.

Министр обороны Булганин удалил его из Москвы под благовидным предлогом на летние маневры — они уже начались в районе Смоленска. День ареста Берия назначен на 26 июня. Как только Лаврентий Берия явится на заседание в Кремль, будут подняты по боевой тревоге все военные академии и в столицу войдут особо надежные дивизии.

Под Москвой дислоцировалась дивизия корпуса внутренних войск имени маршала Лаврентия Берия. Их окружают по приказу министра обороны. Один полк бериевских войск

размещался в Лефортовских казармах. Казармы поручено заблокировать.

Все члены Президиума ЦК знали о предстоящем заседании в Кремле, но только трое — Маленков, Булганин и сам Хрущев — знали о том, что произойдет на этом заседании, каков общий план операции. И еще один человек был посвящен во все детали дела — маршал Жуков. Но он был лишь кандидатом в члены ЦК.

И вот он настал, этот день. Комендант Кремля генерал Веденин вызвал из-под Москвы полк, которым командовал его сын. Школа курсантов имени ВЦИК была поднята в ружье, Кремль буквально наводнен войсками.

26 июня 1953 года. В этот день, в час дня, Никита Хрущев позвонил командующему войсками МВО генералу Кириллу Сергеевичу Москаленко по кремлевской вертушке:

— У тебя есть верные люди? Такие люди, которым ты доверяешь, как себе?

Москаленко:

— Найдутся, Никита Сергеевич.

Хрущев:

— Возьми с собой четырех человек. И пусть прихватят сигары.

Москаленко:

— Какие сигары?

Хрущев:

— Ты что, забыл, как это называлось на фронте?

Генерал вспомнил. Хрущев имел в виду револьверы.

Хрущев:

— Во дворе Генерального штаба тебя с людьми будет ждать Булганин.

Поторопись.

Москаленко тотчас вызвал офицера для поручений Виктора Ивановича Юферова и сообщил о задании Хрущева. Он спросил подполковника:

— Как ты думаешь, можно положиться на Батицкого?

Павла Федоровича Батицкого, первого заместителя командующего войсками ПВО, Юферов знал как надежного человека, боевого генерала. Он добавил, что можно также вполне положиться на Алексея Ивановича Баксова, начальника штаба.

— Кого бы нам еще прихватить? — спросил Москаленко.

Юферов назвал Ивана Григорьевича Зуба, начальника Политуправления войск МВО. Москаленко вызвал Батицкого и Баксова. Зуб оказался дома, он обедал.

Решили заехать за полковником Зубом по дороге.

В машине Москаленко предложил предупредить Зуба по телефону.

Остановились около магазина «Динамо», и Юферов с папкой в руках вышел из авто. Он позвонил на квартиру Зуба из кабинета директора магазина. Позднее, когда все было кончено, Москаленко признался, что, пока Юферов находился в магазине, он перетрусил: а вдруг операция сорвется и всех накроют?..

Полковник Зуб жил на улице Валовой, рядом с Павелецким вокзалом. Он уже стоял у подъезда своего дома. Поехали впятером, не считая шофера. Черный автомобиль марки ЗИС-110 вмещал шесть пассажиров, в салоне было два откидных места.

Во дворе Генерального штаба группу Москаленко встретил маршал Булганин.

С ним — порученец Безрук. Подполковник Федор Тимофеевич Безрук был начальником охраны министра обороны. Пересели в автомобиль министра, в такой же ЗИС-110: Безрук — рядом с шофером, Булганин — на приставное место слева, Юферов — справа, остальные — сзади. Уместились восьмером.

— В Кремль, — распорядился Булганин. Когда подъехали к Троицким воротам, Булганин предупредил:

— Не высовывайтесь.

Действительно, выглядывать в окно не было резона, пропуска были не у всех.

Благополучно проскочили часовых, подкатили к особому правительственному

подъезду — это называлось «с уголка», — поднялись на второй этаж. Вот и кабинет No 1, где когда-то сидел Сталин. Сейчас здесь заседал Президиум ЦК.

Булганин вошел в кабинет, остальных провели из комнаты секретаря в смежный кабинет, напротив. Там находилось человек пятнадцать — двадцать — работники ЦК, несколько генералов и маршал Жуков. Держались все непринужденно, шутили, рассказывали анекдоты... К группе Москаленко подошел Жуков, поздоровался и спросил:

— Вы знаете, кого вам предстоит арестовать?

— Не знаем, но догадываемся, — ответил Москаленко.

В этот момент появился Хрущев. Он подошел к Москаленко:

— Вам придется брать одного из членов Президиума. Возможно, он будет вооружен...

Хрущев остановил взгляд на рослых, могучего сложения Батицком и Юфереве.

— Вот вы и подойдете к нему — вам скажут, когда — и возьмете его.

Юферев:

— Что, и стрелять можно?

Хрущев:

— Нет, его надо оставить для следствия. Оружие не применять.

Пока все остаются здесь. Когда услышите два длинных звонка, направляйтесь к нам, на заседание. Приходите прямо в кабинет, мимо секретаря, не обращайтесь ни на кого.

Хрущев вышел. Берия явился на заседание одним из последних, занял свое место и спросил:

— Какая повестка дня?

— Вопрос стоит один, — ответил Хрущев, — о Лаврентии Берия.

И, обратившись к Маленкову, добавил:

— Докладывай.

Прошло не более четверти часа, и раздались два продолжительных звонка.

Военные открыли дверь, навстречу им встал секретарь. Пятеро, минуя его, прошли в кабинет напротив. За ними следовал маршал Жуков.

...На председательском месте сидел Хрущев, по правую руку — Маленков, рядом с ним — Булганин, ближе к двери, наискосок от Маленкова, — Берия, напротив Лаврентия Павловича — Ворошилов.

Вошедшие встали слева, ближе к Булганину, за спиной Берия. Маленков заканчивал чтение документов: «... Как видите, Берия оказался не только врагом внутренним, но и врагом в международном плане. Предлагается немедленно его арестовать и передать в руки этих товарищей».

Батицкий обнажил свой «парабеллум», Юферев — «ГТ».

Берия сидел опустив голову и нервно что-то писал карандашом на листе бумаги. Потом оказалось, что он выводил лишь одно слово «тревога», повторил это слово девятнадцать раз. Наконец Берия поднял глаза, военные уже стояли подле него — Юферев по левую руку, Батицкий по правую. Ладони Юферева скользнули сверху вниз по карманам арестованного.

— Оружия у меня нет, — сказал Берия и поднял руки.

Батицкий и Юферев предложили Берия пройти в комнату отдыха — она примыкала к кабинету слева. Посадили министра на диван, встали рядом.

Москаленко, Баксов, Зуб расположились на стульях в углу, возле круглого столика, с пистолетами в руках. Командующий достал свой «вальтер».

Батицкий:

— Снимите с него пенсне.

Юферев исполнил приказание.

Берия:

— Как же я теперь буду видеть? У меня слабое зрение...

Батицкий:

— Нечего тебе смотреть. Ну-ка покажи, что у тебя в карманах.

Берия достал носовой платок и записную книжку.

Берия:

— Убери свою пушку.

Батицкий:

— Ничего, она еще пригодится.

Москаленко:

— Послушайте, Батицкий, с ним не следует сейчас разговаривать.

Берия замолчал и принялся тщательно разглаживать руками стрелки брюк и стряхивать с них пылинки. На нем был серый поношенный костюм, под пиджаком — белая сорочка без галстука.

Через некоторое время в комнату вошли заместитель командующего танковой армии генерал Андрей Лаврентьевич Гетман и командующий артиллерией Советской Армии генерал Митрофан Иванович Неделин. Их прислали в помощь Москаленко.

В комнате отдыха военные пробыли с арестованным до глубокой ночи. Это были тревожные часы, никто не знал, чем все кончится...

Москаленко тем временем отдавал распоряжения — уже на правах командующего Московским военным округом. Прежний командующий, генерал Артемьев, был смещен.

Члены Президиума ЦК отправились в тот вечер в Большой театр. Давали оперу «Декабристы». Один Ворошилов остался в Кремле.

История сохранила фотографию: Берия с Ворошиловым стоят в обнимку, словно братья. Но Клим всегда ненавидел удачливого Лаврентия и боялся его.

Трусоватый маршал тужился предугадать ход событий, ведь могущественного чекиста могли выручить его давние дружки, тот же Иван Серов. Напрасно Никита Сергеевич ему доверился. И когда Берия наконец вывели из комнат Президиума ЦК, Ворошилов был тут как тут. Он искательно заглядывал в глаза рослым конвоирам. Подполковник Юферев оставил свою фуражку в кабинете секретаря на вешалке и, проходя мимо, хотел ее достать. Услужливо подскочил Ворошилов:

«Сейчас я тебе, голубчик, подам...»

Надо сказать, что по указанию Хрущева и Булганина каждому офицеру охраны с утра был придан армейский офицер. Гебистам пояснили, будто это входит в план репетиции военного положения. Так они и стояли парами на каждой лестничной площадке, у каждой двери. К вечеру гебисты куда-то исчезли, остались одни армейские офицеры. Они стояли сдвоенными рядами вдоль всех коридоров. Берия провели сквозь строй и посадили в машину Булганина.

Арестованного поместили на заднее сиденье. Батицкий сел слева, Юферев — справа. На всякий случай Юферев сунул дуло пистолета под ребра Берия. А он смотрел по дороге в окно, явно любопытствуя, куда его везут.

Москаленко сидел рядом с шофером. Баксов и Зуб заняли откидные места.

Машина помчалась по набережной к Абельмановской заставе, повернула налево. Вот и Алешинские казармы, здесь уже ждал вновь назначенный комендант города генерал Иван Колесников. Он поместил Берия на гауптвахту, под усиленную охрану. Начальником караула был назначен генерал Батицкий, ответственными дежурными — Гетман, Зуб, Юферев, Неделин, Баксов. Караул несли офицеры из войск ПВО Москвы.

Ночь Берия провел на гауптвахте. На другой день, в 12 часов, в казармы прибыли новый министр внутренних дел Круглов и бывший заместитель Берия генерал Серов.

Заметив высоких визитеров, Москаленко бросил сопровождающему его подполковнику Юфереву: «Как они здесь очутились, эти сволочи?».

Генерал спросил прибывших:
 — Что вам здесь нужно?
 — Они прибыли для проведения следствия, — ответил за них комендант.
 Москаленко:
 — Какого еще следствия? Уберите их отсюда сейчас же!
 (Коменданту):
 — Выведите отсюда посторонних.
 Серов:
 — Мы не посторонние.
 Москаленко:
 — Вас никто не уполномочивал.
 Серов:
 — Нас послали сюда, чтобы начать следствие.
 Москаленко:
 — Мне об этом ничего не известно. Никто вам таких полномочий не давал.

Серов с Кругловым уехали, а Москаленко с подполковником поспешили к Маленкову. Генерал доложил премьер-министру об инциденте.

На экстренном заседании Президиума ЦК было решено перевести Берия в штаб МВО. Следствие по делу Берия и его подручных возглавил Генеральный прокурор Руденко.

Штаб МВО находился около набережной реки Москвы. Вечером 27 июня туда прибыл Булганин. Он остался доволен осмотром помещения и ночью бывшего министра, бывшего члена Политбюро перевезли на новое место. Как и в первый раз, его сопровождал в автомобиле Москаленко с четырьмя помощниками.

Берия поместили в небольшую комнату площадью не более двенадцати квадратных метров. Койка, табурет — вот и вся мебель. Там же, в бункере, проходило следствие. Особый кабинет отвели Генеральному прокурору.

Москаленко находился в штабе округа неотлучно. И ночевал там вместе с Юфревым. На охране штаба дежурили танки и бронетранспортеры.

Берия пришлось сменить свой костюм на солдатское обмундирование — хлопчатобумажную гимнастерку и брюки. Еду арестованному доставляли из гаража штаба МВО — солдатский паек, солдатская сервировка: котелок и алюминиевая ложка.

Первые дни Булганин звонил в бункер каждую ночь после 12 часов:

— Как дела? Все спокойно? Как себя ведет арестованный?

Если генерал Москаленко уже спал, Булганин получал информацию от подполковника Юферева, который постоянно дежурил в одном из подземных кабинетов.

Охрана надежная, случайности были исключены. Ну, а если бы кому-то удалось передать Берия в камеру яд, нашлось бы у него мужество покончить с собой? Ведь вот же у его берлинского коллеги Гимmlера рука не дрогнула. Нет, в этом случае он поступил бы как типичный уголовник — трусливо.

...Что его ждет? Неужто они посмеют? Нет, конечно. Он как-никак член Политбюро.

В 1921 году он впервые отведал тюрьму. И выбрался с помощью Багирова.

Верные друзья теперь должны помочь, они заставят считаться со своим мнением этого выскочку Никиту. Но Маленков, Маленков! Сколько он для него сделал...

Если бы не он, Лаврентий, сидеть бы ему по сей день в Средней Азии, в ссылке. Если бы Хозяин позволил ему остаться в живых.

Берия постучал в дверь и попросил бумаги и ручку. Ему дали тетрадный лист и карандаш.

«Егор разве ты не знаешь меня забрали какие то случайные люди хочу лично доложить обстоятельства когда вызовешь».

Берия называл Георгия Маленкова Егором. Заглавные буквы почему-то не жаловал, знаки препинания презирал.

Он передал записку дежурному офицеру... Да, после двадцать первого года он быстро

пошел в гору, через десять лет возглавил ГПУ Закавказья, потом — ЦК партии Грузии и Закавказский крайком. Новый перевал — год 1938-й, пост наркома СССР. Следующий — год 1953-й. Он так удачно начался, столько радостей ему сулил... И вдруг эта нелепость. Нет, им не обойтись без него, да и народ ценит его широкую, щедрую натуру. Если правду сказать, то он один во всем правительстве искренне заботится о благе трудящихся.

...Прошло два дня. От Маленкова — ничего. Подследственный передал ему вторую записку. «Егор почему ты молчишь?»

Обе записки — карандашом, на четвертушках бумаги — остались у Хрущева.

На предвыборном собрании избирателей Тбилисско-Сталинского округа по выборам в Верховный Совет СССР в ноябре 1937 года Лаврентий Берия клялся:

«Как член великой партии Ленина — Сталина я обязан хранить в чистоте великое звание члена партии, высоко держать знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина». В чем же он ошибся? Может быть, слишком высоко держал сталинское знамя?

На следствии Берия вел себя вызывающе, признавался только в тех преступлениях, которые прокуратуре удалось установить и подкрепить неопровержимыми уликами.

Следствие длилось полгода. Документы, свидетельские показания, протоколы допросов составили девятнадцать томов. По делу проходило шесть соратников Берия: Владимир Деканозов, Всеволод Меркулов, Лев Влодзимирский, Павел Мешик, Сергей Гоглидзе, Богдан Кобулов — всего лишь частичка бериевской армии головорезов.

Наконец Берия предложили ознакомиться с обвинительным заключением.

Когда Руденко приступил к чтению объемистого, страниц на сто, документа, Берия заткнул уши. Прокурор потребовал объяснений.

Берия:

— Меня арестовали какие-то случайные люди... Я хочу, чтобы меня выслушали члены правительства.

Руденко:

— Вас арестовали согласно решению правительства, и вы это знаете. Мы заставим Вас выслушать обвинительное заключение.

Берия отвели в камеру и перестали кормить.

Один день выдержал без пищи несгибаемый сталинский нарком, потом запросил обед и выслушал обвинительное заключение.

Суд проходил на первом этаже здания штаба округа. Председателем

Специального судебного присутствия Президиума Верховного Суда СССР был маршал Конев, государственным обвинителем — Руденко.

Суд занял 6 дней — с 18 по 23 декабря. Из Грузии пригласили председателя совета профессиональных союзов республики М. И. Кучава. Когда он ознакомился с материалами дела, ему на глаза попался пространный список женщин, изнасилованных Берия.

— Ради бога, не оглашайте имен! — взмолился Кучава. — Три четверти в этом списке — жены членов нашего правительства.

Что будет, что будет...

Казнили приговоренного к расстрелу в том же бункере штаба МВО. С него сняли гимнастерку, оставив белую нательную рубаху, скрутили веревкой сзади руки и привязали к крюку, вбитому в деревянный щит. Этот щит предохранял присутствующих от рикошета пули.

Прокурор Руденко зачитал приговор.

Берия:

— Разрешите мне сказать...

Руденко:

— Ты уже все сказал.

(Военным).

— Заткните ему рот полотенцем.

Москаленко (Юфереву):

— Ты у нас самый молодой, хорошо стреляешь. Давай.

Батицкий:

— Товарищ командующий, разрешите мне (достаёт свой «парабеллум»). —

Этой штукой я на фронте не одного мерзавца на тот свет отправил.

Руденко:

— Прошу привести приговор в исполнение.

Батицкий вскинул руку. Над повязкой сверкнул дико выпученный глаз, второй Берия прищурил. Батицкий нажал на курок, пуля угодила в середину лба.

Тело повисло на веревках.

Казнь свершилась в присутствии маршала Конева и тех военных, что арестовали и охраняли Берия.

Подозвали врача. «Что его осматривать, — заметил врач, — он готов. Я его знаю, он давно сгнил, еще в сорок третьем болел сифилисом». Все же он взял повисшую руку за кисть, взглянул на лицо казненного. Осталось засвидетельствовать факт смерти.

Тело Берия завернули в холстину и отправили в крематорий. Туда же отвезли тела казненных в тот же день на Лубянке шести подручных.

Так бесславно, в бетонном бункере, закончилась многотрудная жизнь одного из самых знаменитых в истории человечества вурдалаков. Он посвятил себя делу искоренения свободы и правды, уничтожению трудового народа. Всякий намек на нравственность и интеллект он воспринимал как личную обиду, интеллигентов он истреблял в первую очередь. Более всего он не терпел в людях гордое чувство собственного достоинства. Ремесло палача этот врожденный садист избрал не удовольствия ради, хотя на этом поприще ему удалось превзойти всех. Путь на самый верх лежал через горы трупов, но Берия не боялся трудностей. Он мнил себя «настоящим большевиком» вполне серьезно.

Вполне, вполне.

Берия выпала лихая судьба. Ему не дано было истребить всех сограждан.

Эту трагедию он мужественно разделил со своим учителем и другом Иосифом Сталиным. Зато оставшиеся в живых подданные прониклись, до кончиков ногтей пропитались духом послушания.

Не к этому ли конечному результату они стремились, Папа Большой и Папа Малый? В 1953-м были в ходу частушки, сочиненные бог знает кем, скорее всего плод фольклора.

Лаврентий Палыч Берия
 Не оправдал доверия -
 Остались от Берия
 Лишь только пух да перия.
 Цветет в Тбилиси алыча
 Не для Лаврентий Палыча,
 А для Климент Ефремыча
 И Вячеслав Михалыча.

И анекдот передавали из уст в уста:

Стоят преступники в аду — кто в крови, кто в пламени горит. Данте обходит владения дьявола, видит: один из самых страшных негодяев стоит в крови лишь по колено. Удивился Данте, подошел, узнал Лаврентия Берия:

— Почему так мелко, Лаврентий Павлович?

— А я на плечах Иосифа Виссарионовича...

Достоверная картина ареста и казни Берия не могла быть воссоздана без правдивых свидетельств военных. Мне довелось многократно беседовать с тремя из них, Батицким, Баксовым и Юферевым. Отважные люди, бывалые фронтовики. И точные в передаче деталей пережитого.

Москва. 1979-1988 гг.